

29 мая (11 июня)

Священноисповедник
Лука (Войно-Ясенецкий),
архиепископ Симферопольский и Крымский

Священноисповедник Лука родился 14 апреля 1877 года в городе Керчи Таврической губернии в семье провизора Феликса Станиславовича и его супруги Марии Дмитриевны Ясенецких-Войно* и в крещении, совершенном 1 мая того же года настоятелем Свято-Троицкого собора в Керчи протоиереем Иоахимом Щербининым, был наречен Валентином. Феликс Станиславович был ревностным католиком, часто ходил в костел и подолгу молился дома, но своих домашних, по кротости своего характера, он не принуждал принимать католицизм. Мария Дмитриевна по рождению была православной, но в храм никогда не ходила и исповедовала скорее протестантизм, нежели православие, стараясь совершать добрые дела, помогая, например, заключенным. Таким образом, будущий святитель с детства не получил никакого религиозного воспитания и если имел какую-то религиозность, то, по его словам, скорее унаследованную «главным образом от очень набожного отца».

Священноисповедник Лука

В конце восьмидесятых годов семья Войно-Ясенецких поселилась в Киеве, где Феликс Станиславович поступил служить в страховое общество «Надежда». В 1896 году Валентин окончил Киевскую гимназию и, как одаренный выдающимися художественными способностями, одновременно и Киевскую художественную школу. Во время обучения он участвовал в одной из

* Так в документе. Впоследствии архиепископ Лука подписывался как Войно-Ясенецкий.

передвижных выставок «небольшой картиной, изображавшей старика-нищего, стоящего с протянутой рукой. Влечение к живописи у меня было настолько сильным, – вспоминал он впоследствии, – что по окончании гимназии решил поступать в Петербургскую академию художеств.

Но во время вступительных экзаменов мной овладело тяжелое раздумье о том, правильный ли жизненный путь я избираю. Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей. Из академии я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии были уже заняты... через год меня опять непреодолимо повлекло к живописи. Я отправился в Мюнхен, где поступил в частную художественную школу профессора Книрр. Однако уже через три месяца тоска по родине неудержимо повлекла меня домой, я уехал в Киев и еще год с группой товарищей усиленно занимался рисованием и живописью».

При вручении аттестата по окончании гимназии директор вручил Валентину, как это было в то время принято, Новый Завет как благое напутствие на дальнейшую жизнь; эта книга определила впоследствии всю его жизнь. Он стал ее внимательно читать. Особенно его поразили слова Христа, обращенные к апостолам: «Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» [Мф. 9, 37]. – «О Господи! – воскликнул мысленно юноша, у которого буквально дрогнуло сердце при этих словах. – Неужели у Тебя мало делателей?!»

Валентин Феликсович принадлежал к тем редким, исключительно значимым для народа людям, которые не могут делать что-то лишь для себя, ограничиться деланием того, что лично им нравится, для них долг служения ближним – не пустые слова, и потому они в своей деятельности занимаются не чем попало, не идут вслед случайного выбора, не строят на чужом фундаменте, но стараются найти то, что необходимо сделать сейчас и что полезно для всего общества. Это – строители, делатели, выходящие на ниву по призыву Господа, одни – сеять, другие, входя в их труд, – жать.

Вернувшись из Мюнхена, он «каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах». Он вспоминал: «Я сделал много зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст...»

Однако желание оказывать практическую помощь своему народу возобладало, и в 1898 году Валентин Феликсович поступил на медицинский факультет Киевского университета имени святого равноапостольного князя Владимира, где показал блестящие дарования в области медицины, в чем немало ему помог талант и практический опыт в области рисунка. Уже на втором курсе его товарищи по университету говорили, что он будет профессором анатомии, что со временем и сбылось, – Валентин Феликсович стал профессором топографической анатомии и оперативной хирургии.

Но немало были удивлены его сокурсники, когда узнали при вручении дипломов в 1903 году, что Валентин Феликсович, имея все дарования ученого, собирается стать врачом земской больницы. Однако практическое исполнение этого желания пришлось отложить, так как началась русско-японская война, и 30 марта 1904 года Валентин Феликсович в составе отряда Российского общества Красного Креста выехал на Дальний Восток. Отряд расположился в Чите, где

Валентин Феликсович приступил к исполнению обязанностей хирурга, предварительно хорошо проштудировав книгу известного французского хирурга Лежара «Неотложная хирургия», которая, кроме того что «представляла собой классическое руководство по военно-полевой хирургии, где рассматривались различные способы оперативных вмешательств», рассматривала вопросы местного обезболивания, только начинавшегося тогда применяться при хирургических операциях.

В Чите Валентин Феликсович женился на дочери управляющего крупным имением в Черкасской губернии Анне Васильевне Ланской, приехавшей с тем же отрядом Красного Креста, а до этого работавшей медицинской сестрой в Мариинской общине сестер милосердия. Анна Васильевна привлекла его не только своей красотой, но также исключительной добротой и кротостью, в госпитале ее называли «святой сестрой». Два врача просили ее руки, но она отказала им, так как дала Богу обет девства. Соглашаясь на брак с Валентином Феликсовичем, она нарушала обет и в ночь перед венчанием долго молилась перед иконой Спасителя. И ей показалось, что Христос отвернул от нее Свой лик и Его образ исчез из киота. Это было Господним напоминанием о данном ею обете, которым, однако, она пренебрегла, и Господь, показывая, что всякая добродетель дается только Им и всякий дар свыше исходит лишь от Него, наказал ее патологической ревностью, от которой она тяжело страдала всю жизнь, ибо подлинно любить, и любить до конца, всем сердцем и всем помышлением, можно только Христа.

Незадолго до окончания войны Валентин Феликсович получил место заведующего городской земской больницей в городе Ардатове Симбирской губернии, но через несколько месяцев ему пришлось отказаться от работы в ней. Объясняя причины этого, он говорил впоследствии, что в ардатовской больнице он «сразу столкнулся с большими трудностями и опасностями применения общего наркоза при плохих помощниках, и уже там у меня возникла мысль о необходимости, по возможности, избегать наркоза и как можно шире заменять его местной анестезией. Я решил перейти на работу в маленькую больницу и нашел такую в селе Верхний Любаз Фатежского уезда Курской губернии. Однако и там было не легче, ибо в маленькой участковой больнице на десять коек я стал широко оперировать и скоро приобрел такую славу, что ко мне пошли больные со всех сторон... Вспоминаю курьезный случай, когда молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

«Чрезмерная слава сделала мое положение в Любаже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для огромной работы и моих молодых сил».

Валентин Феликсович перешел тогда работать в уездную больницу в городе Фатеже. Здесь, однако, ему пришлось проработать недолго. Однажды он не смог, оставив все дела, поехать к заболевшему исправнику. Председатель земской управы счел, что это было сделано с умыслом и чуть ли не из революционных целей, и постановлением управы Валентин Феликсович был уволен со службы. В ближайший базарный день один из вылеченных им слепых влез на бочку и

произнес зажигательную речь по поводу увольнения врача, и под его предводительством собравшаяся толпа отправилась громить земскую управу, где, по счастью, кроме одного чиновника, никого не было. Но Валентину Феликсовичу пришлось спешно уехать из города.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, около 1910 года

В 1909 году он переехал в Москву и приступил к практическим исследованиям по теме «Регионарная анестезия», где он явился открывателем новых методов обезболивания. В это время у них с женой было уже двое маленьких детей, жить им в Москве было не на что, и Валентин Феликсович уехал с семьей в село Романовку Балашовского уезда Саратовской губернии, где стал работать в больнице на двадцать пять коек, а затем переехал в город Переславль-Залесский, где получил место главного врача и хирурга в уездной больнице на пятьдесят коек. Во всех больницах, где ему приходилось трудиться, Валентин Феликсович не только добросовестно и с полной отдачей сил исполнял свои обязанности, но и старался внести принципиальные улучшения в деятельность медицинских учреждений. Невозможно было при огромном наплыве больных в верхнелюбавской больнице обходиться без третьего фельдшера, и Валентин Феликсович поставил вопрос перед Уездным земским собранием о привлечении третьего фельдшера. Ему было отказано. Он тут же обратился к Собранию о пересмотре этого решения, пригрозив, что иначе откажется продолжать службу в этой больнице. Собрание было вынуждено пересмотреть решение и выделить для больницы средства на содержание третьего фельдшера.

Валентин Феликсович предложил ряд мероприятий для поднятия профессионального уровня врачей в Балашовском уезде, в частности, публиковать на средства Балашовского земства ежегодные отчеты о деятельности больницы, что способствовало бы сохранению богатого и разнообразного клинического материала, создать уездную медицинскую библиотеку, собрав в ней лучшие труды по медицине и медицинские журналы, и создать

патологоанатомический музей, где были бы собраны препараты, иллюстрирующие случаи, редко встречающиеся в практике земских врачей, что способствовало бы предотвращению многих ошибок; однако большая часть этих предложений не была принята, и он оставил свою службу в этой больнице, хотя ему некуда тогда было ехать. Далеко не всегда его предложения находили поддержку администрации, но он готов был лучше отказаться от службы, чем от принципов. А за земное благополучие он никогда не держался.

В то время для хирургов «оставался сомнительным способ обезболивания, который следовало применить... чтобы... предупредить страдания больного... Выбор обезболивающих средств был ограничен, как правило, эфиром или хлороформом», которые «нередко приводили к... передозировке, являвшейся... причиной гибели оперируемых больных...».

«...Земские врачи и их помощники были вынуждены учиться... на собственном опыте, который достигался дорогой ценой, методом проб и ошибок. Эти печальные результаты приводили к выводу, что проведение наркоза может стать опаснее хирургической операции. Отсюда рождались отказы земских врачей либо от хирургической деятельности вообще, либо от применения наркоза при оперативных вмешательствах...»

Молодой земский врач стал изучать европейскую литературу, касающуюся этого вопроса. Идя по пути совершенствования знаний с помощью самообразования, Валентин Феликсович подробно фиксировал результаты своего врачебного опыта. В течение двух с половиной лет – в 1906-м, 1907-м и части 1908 года – он выполнил шестьсот семьдесят шесть больших и малых хирургических операций, причем только 18 % их были выполнены под общим наркозом, в тех случаях, когда операция без него была невозможна.

«Он окончательно убедился, что “хирургу-самоучке, какими по печальной необходимости, по его выражению, должны быть многие земские врачи, местная анестезия дает возможность спокойно и осторожно делать свои первые шаги на трудном пути хирургии, не мучаясь заботой о наркозе, сосредоточивая все свое внимание только на операции”».

В 1915 году Войно-Ясенецкий опубликовал книгу «Регионарная анестезия»; в ней был обобщен его «личный опыт, какого не было в этом виде обезболивания ни у кого из хирургов нашей страны». Валентин Феликсович предупреждал, что сложность применения различных способов регионарной анестезии «при первом приближении является кажущейся. Не надо пугаться этого обманчивого впечатления. Каждый из новых способов настолько разработан, что “от начинающего требуется лишь точное исполнение технических правил инъекции и топографо-анатомические сведения лишь в том объеме, в каком они необходимы для каждого хирурга”...»

Отсюда вытекал важный практический вывод: описание каждой методики регионарной анестезии должно представлять собой простую и точную инструкцию, не допускающую двоякого толкования, чтобы земский врач любой квалификации мог воспользоваться нужным ему способом». За эту работу Варшавский университет присудил ему премию имени Хойнацкого, при которой полагалось денежное вознаграждение. Но его Валентин Феликсович не смог получить, так как для этого надо было предоставить в Варшаву некоторое количество напечатанных книг, но когда он попытался купить их, то выяснилось, что все экземпляры вышедшей небольшим тиражом книги раскуплены.

В 1916 году за опубликованную монографию, которая была расценена как диссертация, Валентин Феликсович получил степень доктора медицины. Профессор Мартынов так охарактеризовал эту работу: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее».

Однако при больших успехах в научной и врачебной деятельности, духовная жизнь его в это время оказалась запущенной. «У земского врача, каким я был тринадцать лет, – вспоминал он впоследствии, – воскресные и праздничные дни самые занятые и обремененные огромной работой. Поэтому я не имел возможности... бывать на богослужениях в церкви и многие годы не говел. Однако в последние годы моей жизни в Переславле я с большим трудом нашел возможность бывать в соборе, где у меня было свое постоянное место, и это возбудило большую радость среди верующих Переславля».

В Переславле им было положено начало работы над книгой «Очерки гнойной хирургии», принесшей ему впоследствии заслуженную славу. «С самого начала своей хирургической деятельности, – вспоминал он, – я ясно понял, как огромно значение гнойной хирургии и как мало знаний о ней вынес я из университета. Я поставил своей задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний. В конце моего пребывания в Переславле пришло мне на мысль изложить свой опыт в особой книге... Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к моему удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: “Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа”».

В марте 1917 года семья Валентина Феликсовича переехала в Ташкент, куда его пригласили быть главным врачом городской больницы. С конца 1917 года в городе начались беспорядки и затем, как и по всей стране, гражданская война; часто бывали перестрелки, много было раненых, которых привозили в больницу, всегда в этих случаях вызывая Войно-Ясенецкого, как опытного хирурга. При вызове он сразу же отправлялся в больницу, никогда не выказывая никакого недовольства, даже тогда, когда, с точки зрения опытного врача, его вызывали по пустякам. Никто в это время не видел его гневным, или вспыльчивым, или раздраженным. Он со всеми говорил ровным, спокойным, негромким, чуть глуховатым голосом. Если ему что-либо не нравилось, то свои замечания он выражал таким же ровным, спокойным тоном.

В 1919 году военный комиссар большевистского правительства Туркестанской республики поднял восстание против большевиков, и начались бои между военными частями, при которых в городских условиях была применена артиллерия, – снаряды летали по городу, разрушая здания и раня людей. Когда восстание было подавлено, начались массовые аресты, причем арестовывались зачастую случайные люди. Для многих это оказалось удобным моментом для сведения счетов. Суд вершился в железнодорожных мастерских, где в одной большой комнате было собрано множество арестованных, которых по одному выводили в другую комнату, где заседала тройка; суд занимал не более трех минут и чаще всего заканчивался приговором к расстрелу; затем приговоренного выводили в другую дверь и тут же, в соседнем помещении, расстреливали. Войно-Ясенецкого и его ученика-хирурга, работавшего под его началом в той же больнице, арестовал патруль из двух рабочих и двух матросов,

которых привел рано утром в больницу работник больничного морга Андрей, пьяница и вор, которого Валентин Феликсович за неисправимость собирался уволить.

Когда арестованных вели по железнодорожному мосту, стоявшие на рельсах рабочие советовали Андрею не возиться с ними, а расстрелять их тут же, под мостом. Но их все же привели в огромную комнату железнодорожных мастерских, где были собраны солдаты восставшего полка и горожане. С утра до позднего вечера два врача просидели возле двери, за которой решалась участь арестованных. Молодой хирург, волнуясь, время от времени спрашивал Валентина Феликсовича:

– Почему нас не вызывают? Что это может означать?

На что спокойный и невозмутимый Валентин Феликсович неспешно ему отвечал:

– Вызовут, когда придет время. Сидите спокойно.

Поздно вечером в зал вошел некий партийный начальник, который знал знаменитого хирурга в лицо, и, осведомившись, как он здесь оказался, зашел в комнату судей и через десять минут вынес им пропуска на выход и предоставил вооруженную охрану, чтобы их не застрелил случайно на улице ночью патруль.

Известие об аресте мужа вызвало у Анны Васильевны, тяжело болевшей в то время туберкулезом легких, столь сильное потрясение, что с этого момента состояние ее здоровья резко ухудшилось, и в октябре 1919 года она скорпостижно скончалась. Валентин Феликсович остался с четырьмя детьми, из которых старшему было двенадцать лет, а младшему шесть.

Две ночи в полном одиночестве он читал над гробом почившей Псалтирь. «Часа в три второй ночи, – вспоминал владыка впоследствии, – я читал сто двенадцатый псалом, начало которого поется при встрече архиерея в храме: “От восток солнца до запад”, и последние слова псалма поразили и потрясли меня, ибо я с совершенной несомненностью воспринял их как слова Самого Бога, обращенные ко мне: “Неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях”».

Без всякого сомнения он воспринял эти слова, как указание на его операционную сестру Софью Сергеевну Велецкую, о которой он только и знал, что она недавно похоронила мужа и была бездетна. Едва дождавшись утра, он отправился к ней и, рассказав, какие мысли пришли к нему над гробом жены, спросил ее, верует ли она в Бога и хочет ли исполнить повеление Бога и заменить его детям умершую мать. Софья Сергеевна с радостью согласилась.

Валентин Феликсович был активным прихожанином и не скрывал своей веры от коллег в больнице. Прежде чем приступить к операции, он всегда осенял себя крестным знамением и некоторое время сосредоточенно молился перед иконой Божией Матери, которая висела в операционной. Неверующие врачи в конце концов перестали обращать на нее внимание, а верующие считали это делом естественным. Но однажды, в начале 1920 года, одна из ревизионных комиссий потребовала убрать икону. В ответ на это главный врач ушел из больницы, заявив, что вернется только тогда, когда вернут на место икону. Ему, однако, было в этом отказано, и он решил не возвращаться. В это время крупный партийный начальник привез в больницу свою больную жену, которая заявила, что будет оперироваться только у Войно-Ясенецкого. Хирурга вызвали в приемную, но он подтвердил, что очень сожалеет, но, согласно своим религиозным убеждениям, вернется в операционную только в том случае, если туда будет возвращена икона. Доставивший жену в больницу партиец стал

уверять врача, что икона будет возвращена, только бы он приступил к операции. Валентин Феликсович отправился делать операцию, а икона на следующий день была возвращена на прежнее место.

В первые годы советской власти в Ташкенте было организовано православное Братство; на одно из его заседаний пришел Валентин Феликсович и выступил там с пространной речью; она произвела на слушателей огромное впечатление, которое переросло в восторг, когда они узнали, что выступавший является главным врачом городской больницы.

Во многих храмах в те годы стали устраиваться беседы на темы Священного Писания, в которых принимал участие и Валентин Феликсович. Его выступления имели неизменный успех. В конце 1920 года он присутствовал на епархиальном собрании, где сделал доклад о положении дел в Ташкентской епархии. После собрания к нему подошел архиепископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) и, взяв его за руку, отвел в сторону и сказал, что его выступление произвело на него большое впечатление, и затем заключил: «Доктор, вам надо быть священником!»

Слова епископа Валентин Феликсович принял как Божий призыв и, ни минуты не размышляя, ответил: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!» Он рассказал архиепископу Иннокентию о повелении Господнем найти для детей мать и что в его доме живет операционная сестра. Владыка на это сказал, что нисколько не сомневается в его верности седьмой заповеди.

В феврале 1921 года Валентин Феликсович был рукоположен во диакона. Это событие произвело огромное впечатление на жителей Ташкента, так как к этому времени он был уже известным врачом. Для окружающих, и особенно работающих вместе с ним неверующих врачей, его поступок был мало понятен, но для него все это имело глубочайший смысл. В то время, когда весь мир, казалось, восстал на Христа и, точно сойдя с ума, предался бесчинствам – повсюду устраивались кощунственные карнавалы с нарочитыми издевательствами над Спасителем нашим Господом Иисусом Христом, – он не мог остаться в стороне, он ощущал своим нравственным долгом защитить ругаемого Спасителя и выйти с проповедью о безмерном Его милосердии к обезумевшему роду человеческому. Если бы не было прервано правильное течение церковной жизни и диавол не воздвиг бы гонений на Русскую Церковь, гениальный врач вряд ли стал бы священником, но в данных обстоятельствах Господь Сам призывал его к Себе священником и архиереем. В это время именно такие архиереи и нужны были Господу. На праздник Сретения Господня в 1921 году диакон Валентин был рукоположен во священника.

Принятие им священного сана было воспринято большинством сотрудников больницы враждебно, некоторые из молодых студентов принялись даже обличать священника-врача. Одна из его учениц, увидев отца Валентина в больнице в рясе, заявила ему: «Я неверующая, и, чтобы вы там ни выдумывали, я буду называть вас только по имени-отчеству. Никакого отца Валентина для меня не существует».

Отец Валентин не обращал внимания на подобного рода враждебные высказывания и повсюду по городу ходил в рясе, с крестом, чем немало нервировал ташкентское партийное начальство, так как к этому времени он был уже известным и признанным врачом-хирургом и председателем Союза врачей. С крестом на груди он читал лекции в Ташкентском университете, где был в то время профессором. Власти сначала терпели это, не зная, как подступиться к

известному ученому, затем пытались его уговорить бросить церковное, но на все их уговоры он не обращал никакого внимания – перед каждой операцией по-прежнему молился и благословлял больных. При всей ненависти безбожников к христианству против действий врача-священника трудно было что-либо возразить, потому что его отношение к больным было с нравственной точки зрения безупречным, являя собой образец труднодостижимого идеала для любого врача, а вот именно этим христианским врачом и достигнутого.

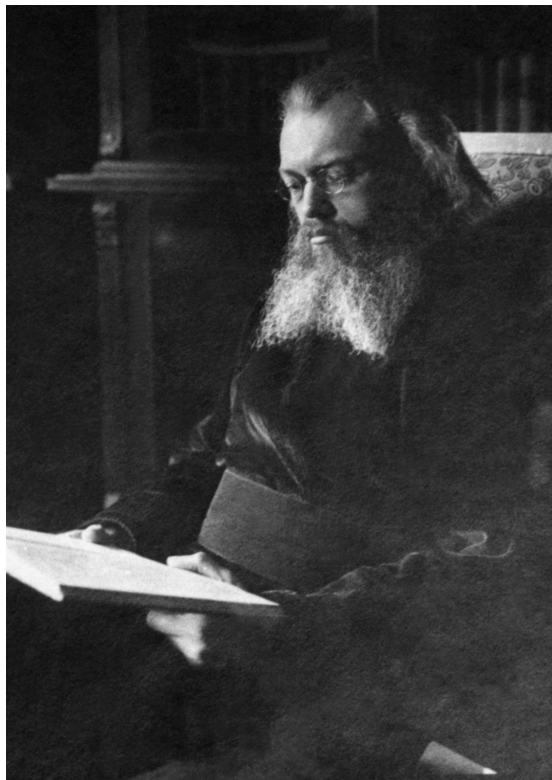
*Архиепископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский)
и священник Валентин Войно-Ясенецкий. 1921 год*

Архиепископ Иннокентий, сам почти не проповедовавший, назначил отца Валентина четвертым священником собора и поручил ему все дело проповеди, сказав ему словами апостола Павла: «Ваше дело не крестить, а благовестить» [1 Кор. 1, 17]. Эти слова оказались пророческими: за все время своего служения он не совершил почти никаких треб и крестил всего несколько раз, но зато он помногу проповедовал за богослужением и после воскресной вечерни проводил в соборе беседы, посвященные в основном тогда критике материализма.

В течение первых двух лет священства отцу Валентину пришлось вести публичные диспуты со слушателями и, в частности, с отрекшимся от Бога бывшим миссионером протоиереем Ломакиным, который был поставлен большевиками во главе антирелигиозной пропаганды в Средней Азии.

Владыка вспоминал об этом впоследствии: «Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника от веры... Несчастный хулитель Бога стал бояться меня и просил устроителей диспутов избавить его от “этого философа”... На несчастном хулителе Духа Святого страшно сбылось слово псалмопевца Давида: “смерть грешников люта”. Он заболел раком прямой кишки, и при операции оказалось, что опухоль уже проросла в мочевой пузырь. В тазу скоро образовалась глубокая, крайне зловонная полость, наполненная гноем, калом и мочой и кишевшая множеством червей. Враг Божий пришел в крайнее

озлобление от своих страданий, и даже партийные медицинские сестры, назначенные для ухода за ним, не могли выносить его злобы и проклятий и отказывались от ухода за ним».

Священник Валентин Войно-Ясенецкий

В 1921 году отцу Валентину пришлось публично выступать в суде в качестве свидетеля, защищая врачей-коллег, которых чекист Петерс пытался обвинить во вредительстве. Выйдя на трибуну, отец Валентин бесстрашно напал на Петерса как на «круглого невежду, который берется судить о вещах, в которых ничего не понимает», как на «бессовестного демагога, требующего высшей меры для совершенно честных и добросовестных людей».

После того как отец Валентин изъяснил существо дела с точки зрения медицинской, обескураженный и разгневанный Петерс спросил его:

– Откуда вы все это знаете?

– Да будет известно гражданину общественному обвинителю, – с достоинством ответил отец Валентин, – что я окончил не двухлетнюю советскую фельдшерскую школу, а медицинский факультет университета святого Владимира в Киеве.

В зале зааплодировали.

– Скажите, поп и профессор Ясенецкий-Войно, как это вы ночью молитесь, а днем людей режете? – продолжал спрашивать Петерс.

– Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель?

После такого ответа священнику уже аплодировали не только врачи, но и рабочие, и Петерс задал следующий вопрос, который, по его мнению, должен был склонить симпатии всех присутствующих на его сторону:

– Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы Его видели, своего Бога?

– Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил.

В зале раздался смех, в котором потонул звук колокольчика, которым тряс негодующий председатель суда. Благодаря смелому выступлению отца Валентина приговор был отменен и врачи через некоторое время освобождены.

Усиленная научная работа в клинике на трупах, покрытых вшами, привела к тому, что отец Валентин сам заболел возвратным тифом в весьма тяжелой форме, но болезнь, по милости Божией, ограничилась всего двумя приступами, хотя впоследствии давала о себе знать еще долго.

Весной 1923 года, когда по всей России бушевал обновленческий раскол, архиепископ Иннокентий созвал съезд духовенства Ташкентской епархии, который должен был избрать двух кандидатов в епископы. Съезд избрал архимандрита Виссариона (Зорнина) и священника Валентина Войно-Ясенецкого.

После того как известия о действиях обновленцев против Патриарха Тихона достигли Ташкента, архиепископ Иннокентий выступил с проповедью, в которой сказал, что в Церкви поднят бунт против Патриарха, но необходимо сохранять верность Православной Церкви и Патриарху, ни в коем случае не входя в сношения с обновленческим епископом, приезд которого в Ташкент ожидается со дня на день.

Вскоре неожиданно для всех два видных городских протоиерея, на которых надеялись как на столпов православия, примкнули к обновленцам, к ним присоединились другие, и вдруг оказалось, что православного духовенства остается совсем не так много. Архиепископ Иннокентий поспешил приступить к совершению хиротонии архимандрита Виссариона, пригласив для этого находившегося в Ташкенте епископа. Из наречения не делалось тайны, и на следующий день нареченный во епископа архимандрит Виссарион был арестован и выслан из Ташкента. Архиепископ Иннокентий был чрезвычайно напуган таким поворотом событий и ночью тайно покинул Ташкент, и, таким образом, епархия оказалась лишенной церковного руководства и почти плененной обновленцами.

Протоиерей Михаил Андреев и священник Валентин Войно-Ясенецкий, взяв на себя управление епархиальными делами, собрали епархиальный съезд из оставшихся верными православию священников и членов церковных советов.

Вскоре в Ташкент в ссылку прибыл епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), который одобрил пожелание ташкентского духовенства возвести отца Валентина в епископы и тайно постриг его. Сначала он предполагал дать ему имя в честь великомученика Пантелеимона, но затем, побывав на литургии, которую служил отец Валентин, и немного больше узнав о нем, постриг его в монашество в память апостола и евангелиста, врача и иконописца Луки.

В городе, однако, не было второго архиерея, чтобы совершить хиротонию, и епископ Андрей направил иеромонаха Луку в город Пенджикент за девяносто верст от Самарканда, где в это время находились в ссылке епископы Болховский Даниил (Троицкий) и Суздальский Василий (Зуммер), передав для них письмо с просьбой совершить архиерейскую хиротонию.

Учитывая тяжелые обстоятельства времени, иеромонах Лука отбыл из Ташкента с соблюдением множества предосторожностей, чтобы свой отъезд сохранить в тайне; сопровождали его иеромонах, диакон и старший сын. Путники прибыли в Пенджикент вечером следующего дня. Епископы встретили прибывших с любовью и, прочитав письмо епископа Андрея, в этот же день

немедленно приступили к служению вечерни и утрени в маленьком храме во имя святителя Николая, архиепископа Мирликийского. Служили без звона, при закрытых дверях. На следующий день, 31 мая 1923 года, иеромонах Лука был рукоположен во епископа. Впоследствии, по сообщению сведений об этой хиротонии Патриарху Тихону, он признал ее законной.

Первую архиерейскую службу владыка совершил в воскресенье 3 июня в день святых равноапостольных Константина и Елены. Кафедральный собор был уже занят обновленцами, но когда они узнали, что будет служить епископ Лука, то в страхе разбежались, и епископ служил литургию с протоиереем Михаилом Андреевым, принципиальным противником обновленцев.

Через неделю епископ Лука отслужил воскресную всенощную и, придя домой, принялся читать правило ко святому причащению. В одиннадцать часов вечера раздался стук в дверь и вошедшие сотрудники ОГПУ объявили ему, что он арестован; дав проститься с домашними, его увезли в тюрьму.

Епископ Лука предполагал возможность своего ареста, знал, что Ташкентскую кафедру послан захватить обновленческий епископ Николай (Коблов), и потому заранее составил обращение к туркестанской пастве, которое сразу же после его ареста распространилось среди верующих и привело в ярость работников ОГПУ.

Епископ Лука. 1923 год

«К твердому и неуклонному исполнению завещаю вам, — писал в обращении владыка, — неколебимо стоять на том пути, на который я наставил вас.

Подчиняться силе, если будут отбирать от вас храмы и отдавать их в распоряжение дикого вепря, попусшением Божиим вознесшегося на горнем месте соборного храма нашего. Внешностью богослужения не соблазняться и поругание богослужения, творимое вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где

служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученными Богом от храмов и ввергнутыми в голод слышания слова Божия [Ам. 8, 11]. С вепрем и его прислужниками никакого общения не иметь и не унижаться до препирательства с ними. Против власти, поставленной Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всем ей смиренно повиноваться.

Властью преемства апостольского, данного мне Господом нашим Иисусом Христом, повелеваю всем чадам Туркестанской Церкви строго и неуклонно блюсти мое завещание. Отступающим от него и входящим с вепрем в молитвенное общение угрожаю гневом и осуждением Божиим».

Незадолго перед арестом епископ отправил две статьи в немецкий хирургический журнал, издававшийся в Лейпциге, которые вышли в том же году, причем редактор журнала принял его сан за фамилию, подписав автора статей, как «Лука Епископ», а другие – в советские журналы «Вестник хирургии и пограничных областей» и «Новый хирургический архив»; они были опубликованы только через год, когда владыка был уже в заключении, и там стояло его имя «Епископ Лука».

Посадив епископа в подвал ОГПУ, следователи стали допрашивать его, спрашивая иной раз о знакомстве с такими людьми, о которых он до сего времени даже не слышал. Наконец его вызвали к высокопоставленному сотруднику ОГПУ, который стал расспрашивать владыку о его политических взглядах и отношении к советской власти. Услышав, что епископ всегда придерживался демократических взглядов, он спросил его:

– Так кто же вы – друг наш или враг наш?

– И друг ваш и враг ваш, – ответил епископ. – Если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но вы воздвигли гонение на христианство, и потому, конечно, я не друг ваш.

После допроса епископа оставили в покое и из подвала перевели в более просторное помещение и вскоре объявили, что он высылается под надзор Центрального аппарата ОГПУ и в Москву может следовать вольным порядком, на сборы ему дается один день.

Всю ночь перед отъездом квартира епископа Луки была полна прихожанами, пришедшими проститься со своим архипастырем, и наутро, когда он сел в поезд, состав еще долго не мог стронуться с места, так как люди легли перед паровозом на рельсы, предполагая таким образом воспрепятствовать высылке владыки из Ташкента, но это оказалось невозможным.

В Москве епископ пробыл неделю и два раза за это время встретился с Патриархом Тихоном, который 23 ноября 1923 года выдал ему удостоверение: «Его Преосвященство, как Епископ православный, состоит со мной в каноническом общении».

Сотрудники ОГПУ, наблюдая за жизнью епископа Луки в Москве, пришли к выводу о необходимости заключения его под стражу, как человека бесполезного для использования в качестве секретного сотрудника, как беззаветно преданного Церкви, и владыка был заключен в Бутырскую тюрьму; оттуда его отправили в Таганскую и поместили в камеру с политическими заключенными. Однажды все они получили по полушубку от Красного Креста. Проходя по коридору тюрьмы, епископ увидел сквозь решетку одиночную камеру, пол которой был залит водой, и в ней сидел полуголый шпаненок. Владыка передал ему свой полушубок, что

произвело большое впечатление на предводителя шпаны, старого вора, который стал после этого любезно его приветствовать, называя «батюшкой».

В начале зимы 1923 года епископ Лука с этапом заключенных был отправлен в ссылку в Сибирь, вместе с ним был отправлен ташкентский священник протоиерей Михаил Андреев. В Новосибирске епископа и двух священников посадили в камеру вместе с бандитом, убившим восемь человек, и блудницей, уходившей на ночь к надзирателям. Бандит знал, что епископ поделился полушубком с вором, и стал уверять его, что никто из преступной братии не тронет его пальцем. Однако в той же новосибирской тюрьме у епископа во время мытья в бане украли деньги, а затем и чемодан с вещами. В этой же тюрьме епископа посадили в общую камеру с уголовниками, которые встретили его настолько враждебно, что владыка стал стучать в дверь под предлогом необходимости выйти в туалет, а когда вышел, то заявил надзирателю, что ни при каких условиях он в эту камеру не вернется.

В Красноярске владыку и его спутников – священников посадили в подвал ОГПУ, который был грязен и загажен, и его пришлось, прежде чем расположиться в нем, чистить, при этом им не дали даже лопат. В соседней большой камере были заключены приговоренные к расстрелу казаки повстанческого отряда. Долго еще потом в ушах епископа звучали ружейные залпы расстрела казаков.

В ссылке, в Енисейске, владыку и его спутников определили в хорошую квартиру, и они по воскресным и праздничным дням стали совершать дома всенощные и литургии, поскольку в городских храмах служить не могли, так как все городское духовенство, за исключением одного диакона, уклонилось в обновленчество; этого диакона епископ Лука вскоре рукоположил во священника.

В первые дни пребывания в Енисейске епископ сделал трем слепым мальчикам-братьям операции, и они прозрели. Врач, заведовавший енисейской больницей, предложил епископу вести прием больных, которых оказалось столько, что запись на прием, начатая в начале марта, быстро достигла конца мая.

Незадолго до приезда епископа в Енисейск здесь был закрыт женский монастырь, и две послушницы этого монастыря рассказали владыке, какими кощунствами и надругательствами сопровождалось закрытие храма, как например, некая комсомолка, бывшая в числе разорявших, подняв подол юбки, уселась в алтаре на престол. Этих послушниц владыка постриг в монашество и дал им имена в честь своих небесных покровителей, назвав одну Лукией (Верхотурову), а другую Валентиной (Черкашину). Впоследствии они сопровождали епископа в ссылке и много ему помогли.

30 мая 1924 года православные общины Ташкента направили заявление в Президиум ВЦИКа с просьбой о возвращении епископа Луки из ссылки; устно им ответили, что их просьба будет иметь благожелательный исход; докладную записку с сообщением об этом они направили Патриарху Тихону, который, ознакомившись с этим известием 7 июня 1924 года, написал: «Слава Богу!»

Безбожные власти, однако, по своему обыкновению обманули просителей и отправили епископа еще дальше в глушь, в деревушку в восемь домов под названием Хая, в ста двадцати верстах от небольшого районного городка Богучаны. Здесь епископ жил и служил в доме, где за ночь замерзала вода; отсюда он писал родным: «Обо мне не беспокойтесь. Господь отлично устроил меня в Хае. Я радостен, глубоко спокоен, никаких нужд не испытываю – монахини с большой любовью заботятся обо мне».

Вскоре власти распорядились отправить владыку в Туруханск. В Туруханске, когда епископ сошел с баржи, толпа народа, ожидавшая его, вдруг опустилась на колени, прося благословения. Владыку разместили в квартире врача больницы и предложили вести врачебную практику; здесь ему пришлось совершать вместе с двумя помощниками-фельдшерами довольно сложные операции.

В Туруханске находился закрытый безбожниками мужской монастырь, и в его храме, обращенном в приходской, старик-священник Мартин Римша совершал все положенные по уставу богослужения, но он подчинялся Красноярскому обновленческому архиерею, и здесь владыка молиться не мог; он стал увещевать священника, чтобы тот оставил раскол. Заблуждавшийся пастырь принес покаяние перед народом, и епископ Лука стал молиться на его службах, на каждой проповедуя.

Впоследствии, когда священника арестовали и осудили за отказ присутствовать при кощунственном вскрытии мощей святого мученика Василия Мангазейского и безбожница-дочь уже считала, что отец умер, и забыла о нем, он неожиданно для всех вернулся домой после двенадцати лет ссылки и лагерей и, благодаря Бога за помощь, которую ему в течение этих лет оказывал святой архиерей, показал дочери бережно хранимые им почтовые квитанции тех денежных переводов, которые ему посылал епископ.

Благодарные владыке за исцеления крестьяне вскоре стали привозить его в церковь на устланных ковром санях и, приходя в больницу, всегда брали у него благословение. Председатель Туруханского краевого совета, бывший красный партизан, герой гражданской войны и ярый безбожник Бабкин потребовал от епископа Луки, чтобы тот перестал проповедовать, ездить в церковь в покрытых ковром санях и давать благословение больным. Епископ ему предложил, чтобы тот сам повесил на дверях больницы объявление, что больным просить благословение и подавать сани, покрытые ковром, запрещается.

После этого епископа Луку вызвали в ОГПУ, перед входом в которое уже стояли запряженные парой лошадей и без всяких ковров милицейские сани, и милиционер-конвоир велел ему собираться, дав на сборы всего полчаса. Когда епископ спросил уполномоченного ОГПУ, куда его высылают, последовал раздраженный ответ: «На Ледовитый океан».

Милиционеру, который сопровождал владыку, была не по сердцу роль сурового стражника, и он как-то сказал епископу: «Я чувствую себя в положении Малюты Скуратова, везущего митрополита Филиппа в Отрочь монастырь».

«Путь по замерзшему Енисею в сильные морозы был очень тяжел для меня, – вспоминал впоследствии владыка. – Однако именно в это трудное время я очень ясно, почти реально ощущал, что рядом со мной Сам Господь Бог Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня».

Дети епископа, узнав из его телеграммы, что он переведен на новое место, обратились с запросом к туруханским властям, но не получив от них ответа, в марте 1925 года послали ходатайство председателю ВЦИКа Калинину.

«Судьба нашего отца, – писали они, – окутана какой-то, повидимому, преднамеренной тайной, и он, окончательно изолированный, поставлен сейчас в исключительное по своей беспомощности и беззащитности положение. Ему, например, как видно из прилагаемого удостоверения директора ушной клиники... может потребоваться немедленная операция в специальной ушной больнице. Но, не говоря уже об этом, не говоря и о том, что полярный холод губителен для его больных легких, нам доподлинно известно, что отец не имеет ни теплой одежды,

ни средств на приобретение и на прожиток. И никто извне не может прийти ему на помощь.

Такая чрезмерная строгость к нашему отцу, отражающаяся и на нашем собственном положении, бесспорно дает нам, детям его, право выступать на его защиту...

Мы считаем, что те нравственные и физические страдания, которым обрекло нашего отца Сибирское ОГПУ, не находятся ни в каком соответствии ни с его нравственной личностью и его политическими воззрениями, ни с его выдающимися и общепризнанными общественными заслугами.

Отец наш, до ссылки его за религиозные убеждения, состоял в Ташкентском университете профессором оперативной хирургии и топографической анатомии и за свои труды в этой области приобрел европейскую известность...

Касаясь... религиозных убеждений отца, мы... не можем не отметить черты, которая, если бы она была правильна понята представителями ОГПУ, должна была бы парализовать всякие предубеждения о его неблагонадежности, – это его толкование о подчинении властям, исключаящее даже тайное недоброжелательство по отношению ко всякой власти, как несогласное с истинным христианством.

Остается, таким образом, только одна его вина – это непоколебимая вера его в незыблемость закона об отделении Церкви от государства... и о свободе вероисповедания.

Но мы думаем, что доколе не упразднены эти законы, следование им ни при каких условиях не может составлять серьезного преступления, и потому мы просим Вас, товарищ Калинин, войти в положение нашего отца и наше, обратить внимание также и на болезненное состояние его, удостоверенное прилагаемыми докторскими свидетельствами, и на наше необеспеченное положение...»

6 мая 1925 года ОГПУ прислало свои рекомендации во ВЦИК: епископ Лука «является ярым черносотенцем, организовал контрреволюционную группировку, распространял контрреволюционные воззвания и вел антисоветскую деятельность...

Будучи в высылке... не прекращал своей антисоветской деятельности, почему и был переведен в отдаленную местность Сибири (Туруханский край).

Учитывая изложенное, удовлетворение ходатайства о помиловании нежелательно».

Место, куда был выслан епископ Лука, был станок Плахино, за двести тридцать километров от Полярного круга; он состоял из трех изб и еще двух больших, как сначала показалось епископу, груд навоза и соломы, которые оказались жилищами двух небольших семей. Когда епископ с милиционером вошли в главную избу, туда же вошли и все немногочисленные жители станка, они низко поклонились владыке, и председатель станка степенно произнес: «Ваше Преосвященство! Не извольте ни о чем беспокоиться, мы все для вас устроим».

Епископу в Плахине отвели довольно просторную половину избы с двумя окнами, в которых вместо вторых рам были снаружи заморожены льдины. На полу лежали кучи снега, одна из них, у порога, – никогда не таявшая. «В Плахине, – вспоминал владыка Лука, – часто бывают очень сильные морозы, и там не живут вороны и воробьи, потому что при таком холоде они могут замерзнуть на лету и камнем упасть на землю... Однажды мне пришлось испытать крайне тяжелый мороз, когда несколько дней подряд беспрепятственно дул северный ветер,

называемый тамошними жителями “сивер”. Это тихий, но не перестающий ни ночью ни днем, ледяной ветер, который едва переносят лошади и коровы... Мне, конечно, всегда приходилось выходить днем и ночью из избы по естественным надобностям на снег и мороз. Это было крайне трудно и в обычное время, но когда дул “сивер”, положение становилось отчаянным».

Через два месяца в Плахино прибыл нарочный, который привез письмо от уполномоченного ОГПУ, предлагавшего епископу вернуться в Туруханск. Оказалось, что в туруханской больнице умер крестьянин, которому срочно требовалась операция, а ее без епископа-врача сделать не смогли. Возмущенные этой смертью крестьяне, вооружившись вилами, косами и топорами двинулись громить местное отделение ОГПУ и сельсовет, и испуганное начальство срочно послало за владыкой Лукой.

Кончался срок ссылки, владыка стал надеяться выехать из Туруханска: у него было уверение от Господа, что это произойдет. Он не знал, что начальство распорядилось задержать его в ссылке еще на год. И его все не вызывали для отправки. Владыка, стоя в алтаре храма, молился, скорбел и даже роптал на Господа, и однажды увидел, как Иисус Христос резко отвернул Свой пречистый лик от него. В отчаянии он вышел из алтаря на клирос и машинально открыл лежащий на аналое Апостол и стал читать первое, что попало на глаза. Это было слово, казалось, прямо к нему обращенное, обличавшее его неразумие и ропот и подтверждавшее надежду обетования от Господа. С благодарным чувством он вернулся в алтарь и, глядя на тот же запрестольный образ Спасителя, видел, что Он смотрит на него благодатным и светлым взором.

20 августа из Туруханска ушел последний пароход... Епископ читал утреню, и последние слова 31-го псалма поразили его, он их воспринял, как обращенный к нему голос Божий: «Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, воньже пойдеш, утвержу на тя очи Мои. Не будите яко конь и мек, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к Тебе» [Пс. 31, 8-9].

И в его душу снизошел глубокий покой, который обычно переживает душа, когда все упование возложит на Господа. Еще до окончания срока ссылки Господь послал ему маленькую варикозную язву голени с ярким воспалением кожи вокруг нее, и враги креста Господня вынуждены были отпустить епископа в Красноярск.

Зимний путь проходил по замерзшему Енисею, и крестьяне соорудили для епископа крытый возок. Дорога из Туруханска шла мимо монастырской церкви, и епископа вышел провожать священник с крестом в руках в окружении большой толпы верующего народа. Священник поведал, как в храме, где были погашены свечи, загорелась сама собою перед отъездом владыки свеча.

Путь епископа Луки по Енисею стал архиерейским путем. Все церкви встречали его на пути колокольным звоном, он служил в них молебны и проповедовал. Через полтора месяца он прибыл в Красноярск и сразу же направился к епископу Красноярскому Амфилохию (Скворцову)*. Келейник владыки Амфилохия, монах Мелетий, из-за бельма был слеп на один глаз, и необходимо было сделать операцию. Владыка попросил главного врача больницы разрешить сделать операцию в глазном отделении больницы. Тот согласился, и на следующий день епископ Лука и монах Мелетий отправились в больницу, причем на операцию собралась толпа врачей, чтобы посмотреть, как будет оперировать знаменитый хирург. Операция прошла благополучно и была

* Священномученик Амфилохий (в миру Александр Яковлевич Скворцов); память 18 сентября/1 октября.

быстро закончена, и владыка выразил сожаление, что операция слишком проста, но если бы у них был более сложный случай, он показал бы, как проводить такие операции. Такой больной оказался, его тут же приготовили к операции, и владыка, предварительно объяснив свой метод регионарной анестезии и как будет проводиться операция, шаг за шагом затем продемонстрировал то, о чем он только что рассказывал.

На следующий день епископа Луку пригласили в ОГПУ. Уполномоченный Красноярского ОГПУ попросил епископа рассказать о его пререканиях с уполномоченным Туруханского ОГПУ и председателем исполкома. Владыка подробно рассказал обо всем происшедшем, пояснив, как и в чем те были виновны. После того, как вопросы и ответы были записаны, в кабинет вошел помощник начальника Красноярского ОГПУ и, прочитав протокол допроса, отправил его в ящик стола, а затем, показав на видневшийся из окна кабинета собор, захваченный обновленцами, сказал:

– Вот этих мы презираем, а таких как вы – уважаем. Куда вы намерены ехать?

– Как, разве я могу ехать куда хочу? – с удивлением спросил владыка.

– Да, конечно.

– И даже в Ташкент?

– Конечно, и в Ташкент. Только прошу вас, уезжайте как можно скорее.

– Но ведь завтра великий праздник Рождества Христова, и я непременно должен быть в церкви.

С большим трудом тот согласился на то, чтобы епископ Лука пробыл еще один день в городе, и взял с него слово, что он отправится на вокзал сразу же после обедни.

В тот же день епископ навестил владыку Амфилохия, которому уже помогал вполне здоровый монах Мелетий. Рождественскую всенощную и литургию епископ Лука служил вместе с владыкой Амфилохием. После литургии, когда владыка уже направлялся к вокзалу, его повозку остановил молоденький милиционер, который вдруг бросился обнимать и целовать владыку, – это был тот самый стражник, который вез епископа из Туруханска в станок Плахино, счастливый теперь, что путешествие владыки окончилось благополучно.

В январе 1926 года епископ Лука вернулся в Ташкент. Кафедральный собор был разрушен, в храме во имя преподобного Сергия Радонежского несколько раз служил ссыльный епископ, который вскоре перешел в обновленчество; вернувшийся из ссылки протоиерей Михаил Андреев потребовал от епископа Луки, чтобы тот освятил храм после обновленческого архиерея. И хотя отец Михаил был в этом случае прав, епископ Лука отказался исполнить это требование, и это явилось началом тяжких между ними огорчений. Протоиерей Михаил, поставив свою правоту превыше всего, занял непримиримую позицию и стал делать ошибки одну за другой, встав в конце концов на неправый путь: он отделился от епископа и стал служить на дому с небольшой группой единомышленников. Епископ Лука запретил его в священнослужении, и отец Михаил стал писать на него жалобы заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), неоднократно ездил к митрополиту сам и в конце концов сумел восстановить его против епископа Луки настолько, что тот сместил епископа с Ташкентской кафедры и в течение короткого времени затем послал три указа – о назначении его в город Рыльск викарием Курской епархии, в город Елец викарием Орловской епархии и в город Ижевск епархиальным архиереем.

Епископ Лука поначалу хотел подчиниться распоряжению заместителя Местоблюстителя, но митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), живший в Ташкенте на положении ссыльного и бывший в большой дружбе с епископом и его детьми, дал ему не имеющий разумных оснований совет – никуда не ехать и подать прошение об увольнении на покой.

Епископ послушался его совета и подал прошение заместителю Местоблюстителя; в 1927 году он был уволен на покой. С этого времени владыка ходил молиться в храм преподобного Сергия, где молился вместе с митрополитом Арсением в алтаре.

Из Ташкентского университета епископ Лука был уволен как неблагонадежный, и он стал вести прием больных у себя на дому. Запись на каждый следующий месяц начиналась с пяти часов утра, но люди собирались под окнами его квартиры с ночи, и за два часа уже было записано более четырехсот человек, практически все, сколько мог владыка принять.

Владыка всю жизнь оставался внимательным к чужим бедам. Заметив однажды на ступеньках городской больницы девочку-подростка с маленьким мальчиком, он стал расспрашивать их и выяснил, что их отец умер, а мать в больнице, и, по-видимому, надолго. Епископ повел детей к себе домой, а затем нанял женщину, которая стала им помогать по хозяйству, пока не выздоровела их мать. Впоследствии эта девочка сначала помогала владыке при врачебных приемах, а затем, освоив основы медицины, стала хорошей медицинской сестрой. Епископ посылал ее искать по городу больных, нуждающихся в помощи и материальной поддержке. Когда такие больные находились, владыка навещал их, лечил и помогал деньгами. Епископ Лука учил своих помощников: «Главное в жизни – всегда делать добро; если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое».

*Митрополит Арсений (Стадницкий) и епископ Лука (Войно-Ясенецкий).
Ташкент, 1928 год*

Весной 1930 года стало известно, что безбожники замыслили разрушить храм преподобного Сергия. Разгул безбожия становился невыносимым, и, чтобы хоть как-то ему противостоять, владыка решил, отслужив последнюю литургию, в

тот момент, когда безбожники войдут в храм, облить себя бензином и поджечь. Однако Богу угодно было остановить этот отчаянный замысел. Разрушение храма было отложено; отслужив литургию 6 мая 1930 года, владыка вдруг почувствовал, что его в этот день арестуют, и вечером этого дня он действительно был арестован, – иную угодно было Богу поднести ему чашу страданий.

Внешним поводом для обвинения епископа послужила записка, данная им жене покончившего самоубийством профессора Михайловского, в которой епископ свидетельствовал, что «профессор Михайловский покончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни, которой он страдал более двух лет».

В 1924 году у Михайловского умер безумно им любимый сын. Он отказался переносить этот крест и, изрыгая богохульства, набросился с топором на иконы; не дав похоронить сына, он мумифицировал его тело и перед трупом умершего клал лакомства и фрукты, а когда другие его дети стали забирать их себе у покойника, он стал забрасывать приношения на крышу, а когда узнал, что дети и оттуда их забирают, стал свои приношения сжигать. Возненавидев жену, которую считал виновницей смерти сына, он развелся с ней и женился на молодой студентке. Время от времени его охватывали доводившие его до безумия болезненные приступы ревности; во время одного из таких приступов он поссорился с молодой женой и застрелился. В его смерти была обвинена жена, и епископу Луке было объявлено, что он привлечен к уголовной ответственности как соучастник, выдавший «заведомо ложную справку о душевно-ненормальном состоянии здоровья убитого с целью притупить внимание судебно-медицинской экспертизы». В советской печати о профессоре Михайловском стали писать, как о выдающемся ученом, занимавшемся опытами, противоречащими вере церковников, и за это они будто бы убили его.

Во время допросов епископу стало ясно, что следователи арестовали его и выдвинули против него нелепое обвинение, чтобы добиться от него снятия сана. Епископ Лука в ответ на это объявил голодовку протеста и был отправлен в тюремную больницу, откуда 16 июля 1930 года направил письмо полномочному представителю ОГПУ по Средней Азии.

Владыка писал: «Из первой ссылки, в которую я отправился здоровым человеком, я вернулся чуть живым инвалидом. Предстоящая мне вторая ссылка, при очень плохом состоянии моего сердца, равносильна для меня смертельному приговору.

Поэтому обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой о замене ссылки в Сибирь высылкой за границу. По своему характеру я совершенно чужд всякой политической активности и хотел бы только на склоне дней своих лечить больных. Чтобы Вы этому поверили, я прошу Вас отправить меня в Китайский Туркестан, откуда я ни в коем случае не могу никуда уехать... Конечно, если бы Вы имели доверие к моему честному слову архиерея и профессора, я просил бы лучшего, именно разрешения уехать в Персию, где я мог бы широко работать по хирургии... Думаю, что в обмен на меня, Вы могли бы получить осужденных в Персии советских граждан».

В ответ на это заявление владыки, на восьмой день голодовки, к нему явился злой и лживый руководитель ОГПУ и объявил:

– Я заместитель начальника Средне-Азиатского ОГПУ. Мы очень считаемся с вашей двойной популярностью – крупного хирурга и епископа. Никак не можем

допустить продолжения вашей голодовки. Даю вам честное слово политического деятеля, что вы будете освобождены, если прекратите голодовку.

Епископ молчал.

– Что же вы молчите? Вы не верите мне?

– Вы знаете, что я христианин, а закон Христов велит нам ни о ком не думать дурно. Хорошо, я поверю вам, – сказал епископ и прекратил голодовку.

Но его, конечно, не освободили, и через три дня он возобновил голодовку, продолжавшуюся еще две недели.

Во время голодовки епископ направил 23 июля 1930 года новое письмо в ОГПУ. Он писал: «Недавно я подал Вам заявление о высылке меня за границу. Я сделал это не потому, что мне хочется уехать за границу, а потому, что услышал от уполномоченного ОГПУ... о предстоящей мне ссылке в Сибирь и потерял надежду на возможность продолжать научную работу в СССР. Перспектива жить на старости лет в чужой стране и учиться чужим языкам, конечно, для меня в достаточной мере печальна, и у меня остается еще надежда, что Вы предоставите мне возможность продолжить свое 27-летнее служение родному народу в родной стране. С самого начала своей земской работы я поставил себе задачей разработку вопросов гнойной хирургии, так как увидел, что это самая важная для крестьян, рабочих и солдат часть хирургии и в наше время наименее разрабатываемая наука и крайне плохо и недостаточно преподаваемая в университетах... Моей давней мечтой было создание специальной клиники гнойной хирургии, в которой я мог бы продолжить научное изучение ее и преподавать эту важнейшую дисциплину с подобающей ей полнотой. Такой специальной клиники нет еще нигде за границей, и хорошо было бы, если она возникла впервые в СССР...

Таковы мои подлинные намерения и желания. Если Вы не найдете возможным их удовлетворить, то мне не остается ничего другого, как повторить свое ходатайство о высылке в Персию, где я занялся бы, конечно, не белоэмигрантской деятельностью, а научно-практической работой в области гнойной хирургии, так как это мое призвание...»

Сотрудников ОГПУ из этого письма заинтересовало только то, что область медицины, в которой ведет научные разработки профессор, касается солдат. Вскоре после подачи письма к нему в камеру пришел помощник начальника секретного отдела и заявил: «Мы сообщили о вашей голодовке в Москву, и оттуда пришло решение вашего дела, но мы не можем объявить его вам, пока вы не прекратите голодовку».

Еще теплился во владыке остаток веры в честное слово сотрудников карательных органов, и он согласился прекратить голодовку.

15 мая 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Луку к ссылке в Северный край на три года, причем все остальные, привлекавшиеся по этому делу, не исключая жены профессора, обвинявшейся в убийстве, были освобождены.

Епископа Луку отправили этапом в город Котлас; каждый день во все время пути заключенным выдавался кусок хлеба и одна селедка на двоих, но селедку владыка не ел. По приезде в Котлас всех разместили в концлагере недалеко от города в местечке Макариха. Незадолго до приезда епископа в Макариху там вспыхнула эпидемия тифа, так что каждый день в яму на кладбище укладывали до семидесяти трупов.

Владыку сначала определили хирургом в котласскую больницу, но затем ему было приказано отправляться в ссылку в Архангельск. В Архангельске он долго не мог найти себе квартиру, был некоторое время в прямом смысле бездомным. Врачи больницы, куда он был определен работать хирургом, встретили его недружелюбно, неприветливо встретил его и Архангельский архиерей*, – и этим Господь как бы исподволь начал указывать на ошибочность избранного владыкой пути.

По врачебной надобности, касающейся на этот раз его собственного здоровья, он написал прошение властям, заявив, что нуждается в лечении и просит разрешить ему поездку в Москву, но его отправили в Петроград, где ему была сделана операция, выяснившая, что беспокоившая его подозрительная опухоль оказалась доброкачественной.

Из больницы владыка отправился к митрополиту Серафиму (Чичагову)** в Новодевичий монастырь. Это было в субботу, незадолго до всенощной. Епископ Лука стоял в алтаре в самом обычном расположении духа, не предвещавшем ничего необыкновенного. Но вдруг перед чтением Евангелия, им овладело необыкновенное волнение, ежеминутно нараставшее и достигшее своего предела, когда он услышал слова Господа Иисуса Христа, обращенные к апостолу Петру: «Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих?.. Паси овцы Моя...» [Ин. 21, 15-16].

Слова Христовы точно пронзили его. Владыка задрожал от волнения всем телом, он всем своим существом воспринял их как обращенные непосредственно к нему, епископу Луке, именно его призывающие пасти стадо Христово. Он с трудом дождался конца богослужения и пошел к митрополиту Серафиму рассказать о том нравственном потрясении, которое он испытал во время всенощной. Но тот не вполне понял его и не смог проникнуть в смысл происшедшего и лишь заметил, что и с ним бывало подобное, и отнес это к рядовому религиозному переживанию.

Еще в течение двух-трех месяцев владыка остро вспоминал пережитое: точно как к Петру во время допроса, Господь поворачивал лик, напоминая ему о предательстве; всякий раз слезы градом лились из его глаз, но затем повеление Божие, как не принятое к исполнению, начало из памяти стираться и забываться.

По возвращении в Архангельск епископ Лука был вызван в Москву, где в течение трех недель особоуполномоченный ОГПУ каждый день подолгу беседовал с ним под предлогом того, что ему поручено изучить ташкентское дело, так как начальство в Москве уверено в невиновности епископа по этому делу и в несостоятельности предъявленного ему обвинения. В действительности же лукавый совратитель человеческих душ исподволь изучал святителя, беспрестанно ему льстил и превозносил до небес как хирурга, обещал предоставить ему хирургическую кафедру в Москве, как бы невзначай подводя к тому, что для этого надо отказаться от священнослужения.

Медовые речи дьявольского искушителя, сладким ручейком вливаясь в сердце святителя, отравляли его своим ядом; пристрастие к хирургии под влиянием льстивых речей все более укреплялось в сердце, занятие хирургией стало казаться делом самым нужным и самым существенным, все менее хотелось от него отрываться, словно какой духовный сон начинал сковывать и оплетать

* Епископ Аполлос (Ржаницын).

** Священномученик Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов); память 28 ноября/11 декабря.

смертной паутиной душу, – и он в конце концов написал властям заявление: «Я не у дел как архиерей и состою на покое. При нынешних условиях не считаю возможным продолжать служение, и потому, если мой священный сан этому не препятствует, я хотел бы получить возможность работать по хирургии. Однако сана епископа я никогда не сниму».

Копию этого заявления он отправил заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Однако, епископа после этого заявления не только не освободили, как он надеялся, но вернули в Архангельск, увеличив срок еще на полгода, предполагая усилением репрессий все же добиться от него снятия сана. Не зная, какой предпринять шаг, когда ссылка закончится, епископ Лука написал митрополиту Арсению в Ташкент, советуясь с ним, но из его ответа понял, что давший уже один раз неправый совет в принципиальном вопросе не слишком хочет, чтобы епископ возвращался в Ташкент. Епископ Лука написал схиархиепископу Антонию (Абашидзе), жившему в то время в затворе в Киеве: он поведал ему о своих сомнениях в правильности решения заняться исключительно хирургией, – но и владыка Антоний, убаюкивая его совесть, написал, что не видит в этом поступке ничего неправого.

В конце 1933 года епископ Лука был освобожден и вернулся в Москву. На пути в Москву Господь, отвращая его от дальнейших ложных шагов, попустил ему попасть в крушение поезда, но это, хотя и напугало его, но не образумило, и он не задумался глубже о правильности затеваемых им предприятий.

В Москве он первым делом явился в канцелярию митрополита Сергия, и секретарь митрополита спросил епископа, не желает ли тот занять одну из свободных кафедр. Возвращение в Ташкент было закрыто ответом митрополита Арсения, и, «оставленный Богом и лишенный разума, – как свидетельствовал впоследствии об этом он сам, – я углубил свой тяжкий грех... страшным ответом: “Нет”».

От митрополита Сергия епископ Лука направился в Наркомат здравоохранения, чтобы ходатайствовать о предоставлении ему возможности заниматься в специальном исследовательском институте разработкой вопросов, касающихся гнойной хирургии. Но по милости Божией получил в этом отказ.

Впереди не осталось никаких перспектив и буквально некуда было деться. На обеде у митрополита Сергия один из архиереев посоветовал ему поехать в Феодосию. В этом совете не было решительно никакого смысла, но, сбившись с пути, владыка утратил способность к рассуждению и, последовав бессмысленному совету, отправился в Феодосию.

«Там, – вспоминал он впоследствии, – я чувствовал себя сбившимся с пути и оставленным Богом, питался в грязной харчевне, ночевал в доме крестьянина и, наконец, принял новое бестолковое решение – вернуться в Архангельск... и, немного опомнившись, уехал в Ташкент...»

Я опустился до такой степени, что надел гражданскую одежду и в Министерстве здравоохранения получил должность консультанта при андижанской больнице.

Там я тоже чувствовал, что благодать Божия оставила меня. Мои операции бывали неудачны. Я выступал в неподходящей для епископа роли лектора о злокачественных образованиях и скоро был тяжело наказан Богом. Я заболел тропической лихорадкой... которая осложнилась отслойкой сетчатки левого глаза.

Уехав в Ташкент, я получил заведование маленьким отделением по гнойной хирургии на двадцать пять коек при городской клинической больнице. Позже это отделение было расширено до пятидесяти кроватей.

Скоро я узнал об операции швейцарского окулиста... Эта операция получила скоро большое распространение во многих странах и в Москве... Я оставил работу по гнойной хирургии и поехал в Москву... Я лежал с завязанными глазами после операции, и поздно вечером меня опять внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать наркому здравоохранения, и с этими мыслями заснул. Спасая меня, Господь Бог послал мне совершенно необыкновенный вещий сон...

Мне снилось, что я в маленькой пустой церкви, в которой ярко освещен только алтарь. В церкви неподалеку от алтаря у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре на престоле положена широкая доска, и на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и сзади престола стоят студенты и курят папиросы, а я читаю им лекции по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гроб и, повернувшись, смотрит на меня с немым укором. Я с ужасом проснулся...

Непостижимо для меня, что этот страшный сон не образумил меня. По выписке из клиники я вернулся в Ташкент и еще два года продолжал работу в гнойно-хирургическом отделении, работу, которая нередко была связана с необходимостью производить исследования на трупах. И не раз мне приходила мысль о недопустимости такой работы для епископа. Более двух лет еще я продолжал эту работу и не мог оторваться от нее, потому что она давала мне одно за другим очень важные научные открытия, и собранные в гнойном отделении наблюдения составили впоследствии важнейшую основу для написания моей книги «Очерки гнойной хирургии».

В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: «В этом не кайся!».

В 1934 году были опубликованы «Очерки гнойной хирургии». Это был наиболее полный и совершенно новый труд в этой области, положивший начало отдельному направлению в медицине. Гнойные образования, изменяя ткани, ставили иной раз в тупик хирурга, надеющегося увидеть одно и сталкивающегося с другим; кроме того, гнойные образования имели массу особенностей в зависимости от того, где они находились, и от точного знания их зависела жизнь больного. Только путем опытного изучения этих особенностей могли быть даны точные рекомендации, как оказать помощь больному. Войно-Ясенецкий упорно двигался по этому пути, глубоко переживая смерть каждого больного, происшедшую от его незнания. И его не утешало, что это незнание разделяли с ним и другие врачи, и больной так же бы умер у них или в результате не оказанной ему вовремя помощи.

Один из профессоров-медиков, опубликовавший рецензию на его труд в 1935 году, написал: «Я вполне убежден, что «Очерки...» займут почетное, вполне заслуженное место среди настольных книг каждого активного хирурга, и хотя они по существу не учебник и не руководство, но они нередко будут учить и руководить».

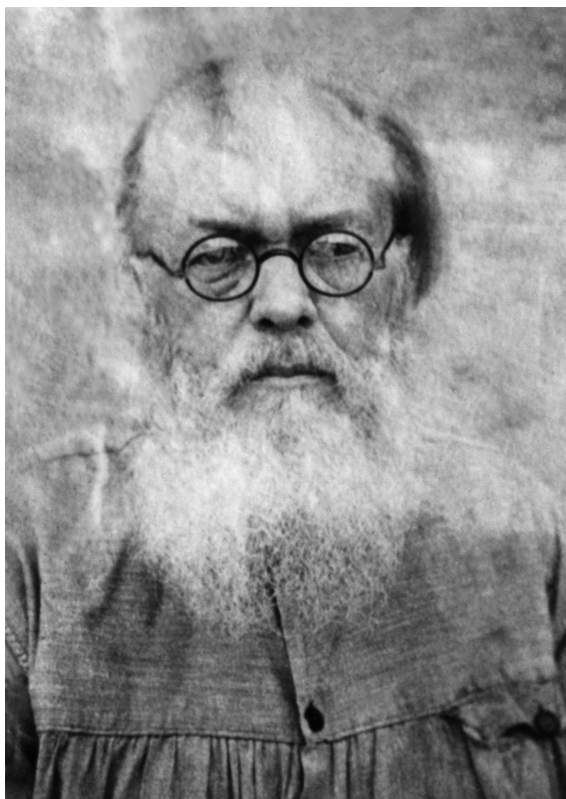
Следуя примеру великого русского хирурга Пирогова, он беспощадно «относился к собственному научному и профессиональному авторитету... его...

открытость и правдивость сотворила чудо, подняв хирургический авторитет Войно-Ясенецкого на недостижимую для многих высоту».

13 февраля 1936 года епископу Луке была присуждена ученая степень доктора медицинских наук без защиты диссертации, учитывая «непрерывную научную деятельность в течение двадцати семи лет, результатом которой явился ряд ценных работ, во главе которых должен быть поставлен солидный и важный для хирургов труд “Очерки гнойной хирургии”».

Все это время владыка занимался широкой благотворительной деятельностью. Были люди, которым он неукоснительно высылал помощь каждый месяц. Он посылал ежемесячно денежную помощь епископу Иоасафу (Жевахову)*, многократно помогал епископам Макарию (Кармазину) и Порфирию (Гулевичу)** , помогал ежемесячно священникам, с которыми встретился в ссылке, как туруханскому священнику Мартину Римше, посылал деньги епископу Евгению (Кобранову), митрополитам Кириллу (Смирнову)*** и Иосифу (Петровых), схиархиепископу Антонию (Абашидзе).

«В 1937 году начался страшный для Святой Церкви период... – вспоминал владыка, – начались массовые аресты духовенства и всех, кого подозревали во вражде к советской власти».

*Епископ Лука.
Ташкент, тюрьма НКВД. 1937 год*

* Священномученик Иоасаф (в миру Владимир Давидович Жевахов), епископ Могилевский; память 22 ноября/5 декабря.

** Священномученик Порфирий (в миру Поликарп Васильевич Гулевич), епископ Симферопольский; память 19 ноября/2 декабря.

*** Священномученик Кирилл (в миру Константин Иларионович Смирнов), митрополит Казанский; память 7/20 ноября.

Епископ Лука был арестован 24 июля 1937 года и заключен в ташкентскую тюрьму. Тогда же были арестованы архиепископ Ташкентский Борис (Шипулин), протоиерей Михаил Андреев, протодиакон Иван Середа и священники кладбищенской церкви Ташкента. Все они обвинялись в участии в контрреволюционной церковно-монархической организации и шпионской деятельности. По делу, по которому был привлечен владыка, проходило еще три человека во главе с архиепископом Борисом (Шипулиным); скоро все они стали себя оговаривать. Владыка, однако, отказался лжесвидетельствовать.

В Москве руководство НКВД было недовольно результатами ташкентского следствия, и к владыке был применен следственный конвейер. Однажды во время допроса следователь, ведущий допрос, утомившись, заснул; его разбудил вошедший в кабинет начальник Секретного отдела. В отместку за допущенную им оплошность следователь стал со злобой бить жестким носком кожаного сапога по ногам епископа.

«Вскоре после этого, – вспоминал владыка, – когда я уже был измучен конвейерным допросом и сидел, низко опустив голову, я увидел, что против меня стояли три главных чекиста и наблюдали за мной».

В этот день они выписали постановление о заключении его в карцер на десять суток, написав, что он, несмотря на то, что «достаточно изобличен в участии в контрреволюционной церковно-монашеской организации и шпионской работе в пользу иностранного государства... не отвечает на вопросы следователя, ведет себя грубо, вызываясь, делает оскорбительные выпады допрашивающему, наносит контрреволюционную клевету органам НКВД».

«По их приказу меня отвели в подвал НКВД, – вспоминал владыка, – и посадили в очень тесный карцер... В подвале, в карцере меня мучили несколько дней в очень тяжелых условиях».

Кроме арестованных вместе с ним, епископу назывались имена совершенно ему незнакомых людей, о которых следователи говорили, что они проходят по одному делу с ним и свидетельствуют, что он был членом контрреволюционной казачьей организации. Но владыка это категорически отверг: «Я членом контрреволюционной казачьей организации не состоял и никого из них не знаю».

28 октября 1937 года архиепископ Борис (Шипулин) под давлением следователей подписал протокол допроса с показаниями, в которых говорилось, что «в Институте неотложной медицинской помощи Войно-Ясенецкий окружил себя антисоветским элементом, при прямом содействии которого удавалось вредить делу оказания медпомощи трудящимся».

В начале 1937 года в Институт неотложной помощи был доставлен на излечение один из передовых мастеров хлопководства – орденоносец... Лечение этого орденоносца было организовано вредительски, в результате чего последовала смерть. О его смерти ни родные, ни организации, пославшие его на излечение, уведомлены не были, а труп его был зарыт вместе со случайными лицами, умершими в Институте... Войно-Ясенецкий, который был основным виновником этого вредительского акта, остался не разоблаченным».

Столкнувшись с лишенным границ беззаконием, епископ Лука направил письмо руководству НКВД; он писал: «Следователями по моему делу мне предъявлены тягчайшие и крайне позорные обвинения (активная контрреволюционная деятельность в союзе с казаками, шпионаж, убийство больных путем операций), лишаящие меня доброго имени и чести. Следствие ведется односторонне пристрастно в сторону обвинения, оставляются без

внимания и не вносятся в протокол мои заявления, оправдывающие меня. Меня лишили законного права послать заявления высшим представителям власти... Я лишен всех прав и всякой цели жизни, так как для меня невозможно ни священнослужение, ни работа по хирургии, ни очень важная научная работа, я лишен семьи, свободы и чести. Без допроса меня обвиняют в гнуснейшем из преступлений – тайном убийстве больных путем операций».

В знак протеста владыка с 18 ноября объявил голодовку, которую продолжал до 25 ноября.

Епископу предложили откровенно высказать свое отношение к политике советской власти, и он его высказал, но это не удовлетворило следователя, и протокол допроса был уничтожен, а вместо него составлен другой, который владыка долго отказывался подписывать, но после того как следователь сказал, что на следующий день допрос будет продолжен и будут записаны подлинные ответы святителя, владыка подписал протокол и был, конечно, снова обманут.

Епископ Лука вспоминал: «На допросах арестованных применялись... пытки. Был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне... Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью.

Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения... От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это, конечно, ответить не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой».

Задумав, хотя бы на время прервать эту пытку, владыка решил инсценировать самоубийство, чтобы попасть в больницу. Но дело кончилось тем, что следователь отвел его в соседнюю комнату и предложил поспать на голом полу, положив под голову вместо подушки пачку газет. Когда он проснулся, его уже ждал начальник Секретного отдела, который предложил ему подписать сочиненную им ложь о шпионаже, но владыка только посмеялся над этим требованием, и 7 декабря 1937 года следователями был составлен акт о том, что «обвиняемый Войно-Ясенецкий отказался от дачи дальнейших показаний, возводя при этом клевету на органы НКВД», имея в виду, что тот жаловался вышестоящему начальству на допускаемые следователями беззакония и пытки.

Вскоре епископа перевели из следственного корпуса НКВД в ташкентскую тюрьму. Обессиленный от голода и допросов он упал в обморок на грязный и мокрый пол в коридоре тюрьмы, и в камеру его внесли на руках. Здесь он пробыл около восьми месяцев в довольно тяжелых условиях.

«Большая камера наша, – вспоминал владыка, – была до отказа наполнена заключенными, которые лежали на трехэтажных нарах и на каменном полу в промежутках между ними. К параше, стоявшей у входной двери, я должен был пробираться по ночам через всю камеру между лежавшими на полу людьми, спотыкаясь и падая на них.

Передачи были запрещены, и нас кормили крайне плохо. До сих пор помню обед в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, состоявший из большого чана горячей воды, в которой было разболтано очень немного гречневой крупы».

В тюрьме владыка не скрывал, что его преследуют за веру. Он говорил: «Мне твердят: сними рясу, – я этого никогда не сделаю. Она, ряса, останется со мной до самой смерти... Не знаю, что они от меня хотят. Я верующий. Я помогаю

людям как врач, помогаю и как служитель Церкви. Кому от этого плохо? Как коршуны, нападают на меня работники ГПУ...»

В камере, где сидел владыка, некоторые из заключенных, прежде чем идти на допрос, подходили к нему под благословение. Это не нравилось тюремному начальству, и владыка был вызван в тюремную больницу к врачу, которому было поручено уговорить его снять рясу и не привлекать к себе внимание как к церковному деятелю. Но владыка заметил на это врачу, что тот взялся исполнять непосильную для себя миссию.

Епископ Лука каждый день утром и вечером, вставая на колени, молился. В это время в камере затихали все споры и все разговоры: окружающие его люди – и мусульмане и неверующие – невольно начинали говорить шепотом. Во время раздачи утренней пайки атмосфера в камере иногда накалялась до предела, но владыка Лука никогда не вмешивался в спор о еде, сидя обычно в стороне, пока какая-нибудь рука не протягивала ему ломоть хлеба.

Следствие по делу всех арестованных вместе с владыкой было закончено; согласившиеся подписать лжесвидетельства против себя и своих собратий были расстреляны, но упорный епископ Лука продолжал сопротивляться, объявляя голодовки и протестуя против незаконных следователей; почти два года владыка находился в тюрьме; 20 февраля 1939 года следственный отдел НКВД в пятый раз выписал постановление о продлении срока ведения следствия по его делу. И допросы снова были возобновлены.

– Из показаний Бориса Шипулина, Середы... вы состояли членом руководящего центра контрреволюционной церковно-монашеской организации, созданной и работавшей по заданию английского разведчика... и принимали в этой контрреволюционной организации активное руководящее участие. Дайте об этом показания, – в очередной раз потребовал от епископа следователь.

– Я членом руководящего центра контрреволюционной церковно-монашеской организации не состоял и участия в работе контрреволюционной организации не принимал.

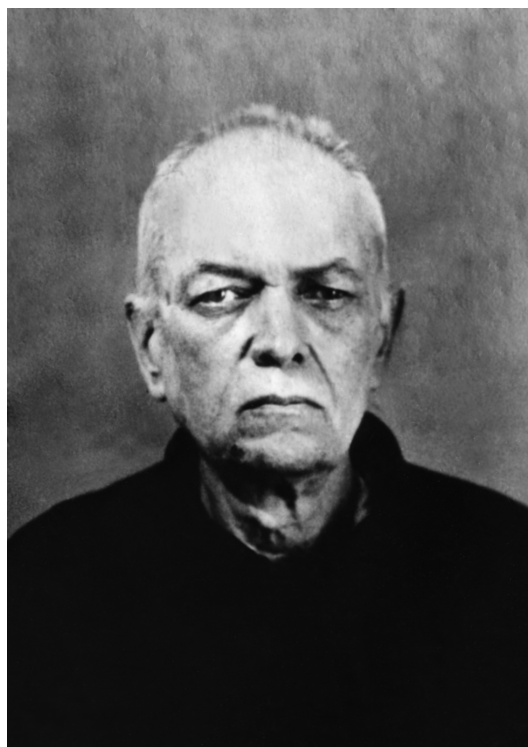
– Вы даете ложные показания. Вас изобличает обвиняемый Шипулин, который в своих показаниях... говорит, что вы принимали участие в контрреволюционных собраниях членов организации и участвовали в обсуждении целого ряда политических вопросов о событиях международного и внутреннего положения, о новой конституции и других, трактовали эти вопросы в антисоветском направлении. Вы это признаете?

– Я это не признаю. Этого совершенно не было.

– По показаниям свидетеля Федермессер, вы во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР высказывали ей свое недовольство в отношении этих выборов, указывали на то, что вы не будете участвовать в этих выборах, так как вы «человек гонимый», политической партией и существующим строем недовольны. Вы подтверждаете эти показания?

– Возможно, что такой разговор с врачом-хирургом Института неотложной помощи Рахиль Константиновной Федермессер и был, но точно самого разговора не помню.

В тот же день была устроена очная ставка епископа со свидетельницей, во время которой она показала:

*Епископ Лука.
Ташкент, тюрьма НКВД. 1939 год*

– Примерно в мае 1937 года... в личной беседе со мной по поводу предстоящих выборов в Верховный Совет СССР Войно-Ясенецкий заявил: «Я участвовать в выборах в Верховный Совет не буду, так как я человек, гонимый со стороны существующего строя за свои религиозные убеждения».

– Вы подтверждаете показания свидетеля Федермессер? – спросил епископа следователь.

– Я показания свидетеля Федермессер полностью подтверждаю. Я такое заявление сделал потому, что предвидел, что я буду арестован до выборов в Верховный Совет.

– Вы показали, – обратился следователь к свидетельнице, – что Войно-Ясенецкий в беседах с вами говорил о том, что женщина по сравнению с мужчиной по своим умственным способностям стоит ниже, поэтому она не может быть хорошим хирургом, а профессором тем более, что Войно-Ясенецкий на службе занимался чтением религиозных книг и в воскресные дни не выходил на работу.

– Вы подтверждаете показания свидетеля Федермессер? – спросил следователь епископа.

– Я своих разговоров по поводу умственных способностей женщин не помню, но подлинные мои мысли по этому вопросу совершенно иные. Я говорил и говорю, что женщина в умственном и деловом отношении вполне равна мужчине, а уступает ему только в творческих способностях, и гениальных женщин история не знает.

Следователь, однако, продолжая допрашивать, требовал от епископа подтверждения показаний других лжесвидетелей, некоторые из которых были к тому времени уже казнены.

– По показаниям Андреева, вы с церковной кафедры в соборе пропагандировали антисоветские взгляды, превратили собор в место сблища

почти всех контрреволюционных людей города Ташкента и играли руководящее участие в проведении контрреволюционной деятельности церковников. Вы это подтверждаете?

– Я это категорически отрицаю.

– Из показания Андреева, вы были инициатором контрреволюционной организации под названием «Автономия Туркестанской Церкви», в основу деятельности которой было положено развертывание борьбы с советской властью за самостоятельность и независимость Церкви и восстановление монархического строя в СССР. Вы это подтверждаете?

– Нет, я этого показания не подтверждаю. Показание совершенно ложно. Инициатором автономии Туркестанской Церкви был не я, а архиепископ Туркестанский Иннокентий (Пустынский)... когда он на собрании духовенства... поставил вопрос об автокефалии Церкви... Из разъяснений Иннокентия я понял, что автокефалия есть отделение Церкви от высшей церковной власти, что имело целью эмансипацию от «Живой церкви» (ВЦУ), чтобы избежать их преследований. Вопрос был чисто церковный и никакого политического значения не имел. Я, как и другие члены собрания, возражал против автокефалии, считая ее незаконной с канонической точки зрения. Собрание кончилось тем, что Иннокентий разорвал заготовленный текст объявления об автокефалии...

– Вы даете ложные показания, в этом вас изобличает священник Андреев, который в своих показаниях указывает: «После ареста Патриарха Тихона, по совету Войно-Ясенецкого, архиепископом Иннокентием собираются нелегальные собрания контрреволюционного элемента из духовенства... На одном из таких сборищ Войно-Ясенецкий поставил перед нами вопрос о поддержке Патриарха Тихона, его политики и продолжении борьбы с советской властью. Здесь же Войно-Ясенецкий и архиепископ Иннокентий представили на рассмотрение и утверждение проект контрреволюционной организации под названием «Автономия Туркестанской Церкви»». Почему вы это скрываете от следствия?

– Я это не скрываю, а отрицаю, так как это сплошная ложь.

– Вы перед своим арестом, как об этом показывает Андреев, оставили членам контрреволюционной организации... завещание: «быть твердыми в своем убеждении, что советская власть дана за грехи». Такую установку вы давали?

– Я такой установки не давал. Мое воззвание к верующим ограничивалось призывом не принимать живогерцковника епископа.

– Какую контрреволюционную группу из ссыльного духовенства вы организовали в городе Енисейске, будучи там в ссылке вместе с Андреевым, и какие нелегальные сборища устраивали в то время?

– Никакой контрреволюционной нелегальной группы в Енисейске я не организовывал, отбывая там ссылку в 1924 году. Ко мне лишь иногда заходили два-три священника из ссыльных, которые ехали со мной этапом или ранее прибывшие в Енисейск. Я не только не занимался никакой организацией контрреволюционной группы, но открыто вел борьбу против «Живой церкви», убеждая местных енисейских священников-обновленцев в канонической преступности их поведения.

– С какой целью вы оказывали помощь деньгами целому ряду административно-ссыльных священников и епископов?

– Я оказывал материальную помощь многим из духовенства в Ташкенте и других городах с благотворительной целью, как нуждающимся.

– По показаниям Шипулина, вы проводили вредительскую работу в Институте неотложной помощи. Расскажите об этом следствии.

– Никакой вредительской работы я в Институте неотложной помощи не проводил. Его показания ложные.

– Вы все время ведете себя на следствии неискренне, скрываете от следствия свою контрреволюционную деятельность, в этом вас изобличают свидетели Шипулин Борис, Середа Иван, Андреев... Почему же вы скрываете от следствия свою контрреволюционную деятельность?

– Никогда у меня с этими людьми, за исключением Андреева до 1926 года, не было близких взаимоотношений...

20 марта 1939 года следователь снова вызвал епископа на допрос и предложил ему дополнить свои показания.

– Ложность оговора меня, – сказал владыка, – архиепископом Шипулиным, протодиакон Середой... явствует из следующих фактов... Еще в 1936 году я получил письмо от епископа Макария Кармазина, проживающего в ссылке при станции Уш-Табе... который писал мне, что прервал общение с архиепископом Борисом Шипулиным после того, как достоверно узнал, что при прежних арестах он своим лжесвидетельством погубил нескольких невинных людей... и советовал держаться дальше от него... Относительно протодиакона Середы мне, как многим верующим... еще с 1926 года было известно, что он состоит секретным сотрудником и носит кличку «Облезшая Крыса». Ясно, что с такими людьми участвовать в антисоветской организации я не мог... Участвовать в шпионской работе совместно с польским ксендзом... я также не мог, так как относительно Щебровского, фигурирующего в деле в качестве посредника по шпионажу, я был предупрежден... что это опасный провокатор и секретный сотрудник ГПУ. Непосредственно от протодиакона Середы, сидевшего рядом со мной, я узнал, что его показания против меня были вынуждены и от которых он клялся отказаться на суде. То же самое сообщил мне запиской, переданной из соседней камеры, Борис Шипулин, который, кроме того, писал, что его показания были искажены следователем и он был вынужден их подписать.

29 марта 1939 года епископа Луку вызвали на допрос, чтобы он ознакомился с материалами «дела» и, если пожелает, сделал какие-нибудь дополнения к ним.

– Ознакомившись с делом, – заявил после этого епископ, – я прошу дать очную ставку со свидетелем Михаилом Михайловичем Андреевым. Весьма существенные дополнения изложены мной в прилагаемом при сем заявлении.

«В первом протоколе допроса я назван поляком по воле следователя... – писал епископ. – На самом деле я всю жизнь считался русским. Так как упоминание о моем дворянском происхождении придает неблагоприятную окраску моей личности, то я должен разъяснить, что отец мой, дворянин, в юности жил в курной избе белорусской деревни и ходил в лаптях. Получив звание провизора, он лишь два года имел свою аптеку, а потом до старости был служащим транспортного общества. Никакой собственности он, как и я, не имел.

В деле отсутствуют мои заявления наркому о трех голодовках. Причиной первой, начатой тотчас после ареста, было крайнее возмущение неожиданным арестом среди напряженной научной работы, весьма важной для военно-полевой хирургии, и глубокое сознание своей непричастности к каким-либо преступлениям...

Вторая голодовка, начатая с первого же дня “непрерывки”, была вызвана тем, что на меня внезапно обрушился поток ужасной ругани и оскорблений. Я предпочитал умереть от голода, чем жить с незаслуженным клеймом шпиона, врага народа, убийцы своих больных путем операций. Голодовка эта, как и первая, продолжалась семь дней, и следствие в форме “непрерывки”, при сидении на стуле день и ночь без сна, продолжалось. На седьмую ночь следователь Кириллов составил протокол о моем отношении к революции и советской власти. Этот протокол, датированный 23 ноября 1937 года, я, несмотря на тяжелое состояние от голода и лишения сна, долго отказывался подписать, но следователь Кириллов обманул меня обещанием продолжить протокол завтра и в нем изложить подлинные мои ответы... Прошу принять во внимание следующее изложение моего политического “credo”...

Признать себя контрреволюционером я могу лишь в той мере, в какой это вытекает из факта проповеди Евангелия, активным же контрреволюционером и участником дурацкой поповской контрреволюции я никогда не был, и до крайности оскорбительно мне роль блохи на теле колосса – советской власти, приписываемая мне следствием и ложными показаниями моих оговорщиков. Все двадцать лет советской власти я был всецело поглощен научной работой по хирургии и чистым служением Церкви, очень далеким от всякой антисоветской агитации. Совершенно неприемлемо для меня только отношение советской власти к религии и Церкви, но и здесь я далек от активной враждебности...

В течение трех недель я был доведен до состояния тяжелейшей психической депрессии, до потери ориентации во времени и пространстве, до галлюцинаций, до паралича задних шейных мышц и огромных отеков на ногах. Мучение было так невыносимо, что я неудачно пытался избавиться от него (без цели самоубийства) перерезкой крупной артерии. В конце “непрерывки”, дойдя до отчаяния, я предложил следователю Кириллову написать признание, в котором все будет сплошной ложью. На мой вопрос, ищет ли НКВД правды или нужна и ложь, следователь Кириллов ответил: “Чего же, пишите, может быть, нам что-нибудь и пригодится”. Такой же точно ответ я услышал и от начальника 2-го отделения Лациса, которого следователь Кириллов позвал вместо наркома, от которого я хотел получить санкцию слов Кириллова... Я предупредил, что никаких дальнейших показаний о составе и деятельности неизвестной мне контрреволюционной организации я, конечно, дать не могу. Тем не менее на следующее утро Кириллов и Лацис потребовали этих показаний и составили акт о моем отказе от дальнейших показаний. Я немедленно начал третью голодовку с целью получить возможность в заявлении о ней сообщить наркому о происшедшем. Голодовка продолжалась семь дней, и заявления моего о ней в деле нет».

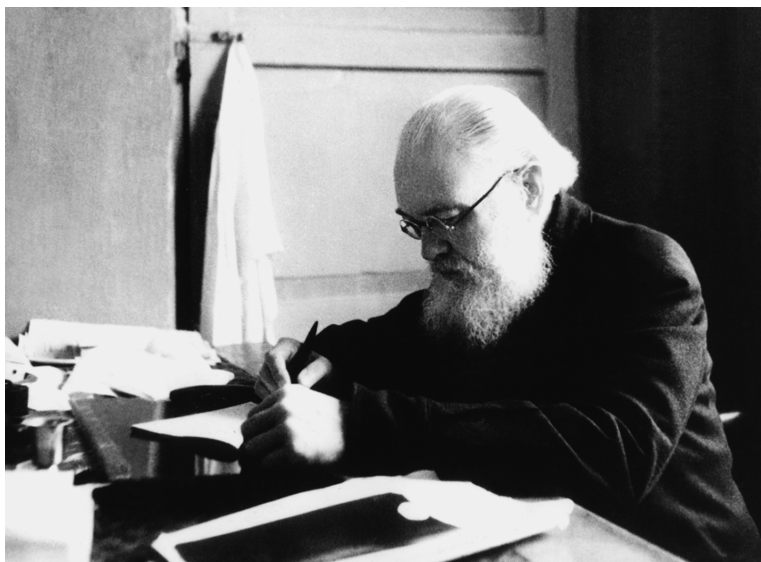
15 мая 1939 года было вынесено постановление по «делу» епископа, в котором повторялись все предыдущие формулировки обвинения и предлагалось: «вследствие того, что основные свидетели по данному делу... в 1937-1938 годах осуждены к высшей мере наказания, настоящее дело для слушания в Военный трибунал направлено быть не может... следственное дело... направить для разбора на Особое Собрание при НКВД СССР».

Летом 1939 года епископ Лука вновь объявил голодовку и был помещен в тюремную больницу. Следователи потребовали от него прекращения голодовки, обещая взамен освободить, и владыка передал детям записку: «Через сутки буду

дома». Но сотрудники НКВД в очередной раз обманули его, и он написал: «Меня обманули, не выпускают, возобновил голодовку».

13 февраля 1940 года Особое Собрание при НКВД приговорило епископа Луку к пяти годам ссылки в Красноярский край, и 29 февраля он был отправлен в Красноярский край в село Большая Мурта, где стал работать врачом в местной больнице; здесь он подготовил ко второму изданию свою книгу «Очерки гнойной хирургии». Храм в селе был взорван, и владыка ходил молиться в ближайшую рощу, ставя на пенек складную иконку. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война; немцы быстро продвигались по территории России, и в глубоком тылу стали организовываться огромные госпитали, в частности, в Красноярске были устроены десятки госпиталей, рассчитанные на десять тысяч коек. Епископ предложил властям свою помощь в качестве хирурга и в октябре 1941 года был назначен консультантом всех красноярских госпиталей.

Владыка брал к себе самых тяжелых больных; во время прихода в Красноярск эшелонов с ранеными, он посылал встречать их своих сотрудников-врачей с просьбой, чтобы они отбирали для него самые сложные случаи, которые считались безнадежными; многие из этих раненых выжили лишь благодаря тому, что их лечил епископ Лука. Здесь большое значение имело не только врачебное искусство святителя, но еще в большей степени его вера в помощь Божию, здесь было явлено множество чудес, которые Господь сотворил руками архиерея. Владыка знал каждого своего больного в лицо, знал его имя, фамилию, держал в памяти все подробности операции и послеоперационного периода; он говорил своим коллегам-врачам: «Для хирурга не должно быть “случая”, а только живой страдающий человек». Но тяжело он переживал и смерть своих больных: «Было три смерти в операционной, и они меня положительно подкосили... – писал он сыну, – я переносу их все тяжелее и тяжелее... Молился об умерших дома, храма в Красноярске нет...»

Епископ Лука, село Большая Мурта. 1940 год

Летом 1942 года окончился срок ссылки и епископ Лука был возведен в сан архиепископа. Управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Николай Колчицкий направил владыке письмо, в котором выразил возможность назначения его на кафедру.

В ответ архиепископ писал: «Конечно, неожиданно было для меня Ваше письмо, ибо я никак не мог предполагать, чтобы моя персона могла вызывать такой интерес. Признаться, я смущен Вашим чрезмерно высоким мнением обо мне и думаю, что Вы очень преувеличиваете, ставя меня чуть ли не первым среди иерархов Русской Церкви. Я сам мало с кем из них знаком, но вполне уверен, что среди них есть гораздо более сильных, чем я, в вере, благочестии, православии, любви, обладающих высокими нравственными достоинствами, которых мне недостает. Некоторое преимущество дает мне знакомство с естествознанием, которого весьма чужды наши архиереи, и надеюсь, что Господь поможет мне использовать его на благо Церкви. А планы у меня в этом отношении большие. Скажите, считаете ли Вы реальной возможность осуществления мечты о моем будущем, о которой Вы пишете? Это ведь самое горячее желание моего сердца...»

Епископ Лука среди раненых, Красноярск. 1941 год

Между Местоблюстителем митрополитом Московским Сергием и архиепископом Лукой завязалась переписка относительно насущных церковных вопросов. 9 октября 1942 года в ответном письме митрополиту Сергию архиепископ писал: «В Вашем последнем письме дорого и важно для меня то, что Вы Вашими ссылками на историю Церкви, гораздо лучше известную Вам, чем мне, на жития святых, умеряете мой чрезмерно строгий ригоризм в отношении согрешающих членов Церкви. Но и те аргументы из Священного Писания в пользу строгих требований, которые привел я в моем письме, кажутся мне неустранимыми. По-видимому, должную линию поведения в отношении отлучения надо искать где-то посередине...»

27 декабря 1942 года митрополит Сергей направил относительно архиепископа Луки указ: «...не отрывая его от работы в военных госпиталях по его специальности, поручить управление Красноярской епархией с титулом архиепископа Красноярского».

Храма в то время в городе по-прежнему не было. «Давно обещали открыть у нас одну церковь, — писал владыка Лука сыну, — но все еще тянут, и я опять останусь без богослужения в великий праздник Рождества Христова».

5 марта 1943 года он сообщил сыну: «Господь послал мне несказанную радость. После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска...»

«До крошечной кладбищенской церкви в Николаевке полтора часа ходьбы с большим подъемом на гору, и я устаю до полного изнеможения...

Служить мне в ней можно было бы только священническим чином, но и это пока невозможно, так как нет облачений. По-видимому, получим их из театра. Нет диакона, певчих, даже псаломщика. Служит семидесятилетный протоиерей, а я проповедую. Это для меня и для народа огромная радость. Есть большая надежда, что весной откроют Покровскую церковь...»

Однако чуть позже он написал: «Церкви в городе не хотят открывать, а из Ташкента пишут, что туда приехал обновленческий архиерей, и для него открывают много церквей... А в Николаевку осенью и весной ходить невозможно. Недавно я пошел после дождя, упал в грязь и вернулся».

8 сентября 1943 года владыка принял участие в Архиерейском Соборе, избравшем Патриархом митрополита Сергия. 15 декабря 1943 года на заседании Священного Синода Патриарх Сергей предложил перевести архиепископа Луку «с Красноярской кафедры на Тамбовскую, в виду непосильных для старца внешних условий служения в Красноярске».

5 февраля 1944 года архиепископ Лука направил Патриарху Сергию обширный доклад о положении дел в Красноярской епархии. «Когда я прибыл в ссылку в Красноярский край в апреле 1940 года, – писал владыка, – начальник районного НКВД похвалился мне: “Во всей Сибири мы не оставили ни одной церкви”. Это почти соответствовало действительности, ибо в то время, как я мог выяснить, только в Новосибирске функционировала кладбищенская церковь. В начале марта 1943 года, после усиленных хлопот почти в течение года, была открыта очень маленькая кладбищенская церковь в слободе Николаевке, предместье Красноярска. Из города до этой церкви пять-семь километров, осенью и зимой дорога очень трудна и опасна, так как в Николаевке много грабителей. Поэтому на всенощных бывает совсем мало богомольцев, и за год я служил всенощную только два раза в большие праздники и вечерние службы Страстной седмицы, а перед обычными воскресными службами вычитывал всенощную дома, в госпитале, при шуме звукового кино и концертов. Только в последнее время стали присылать за мной лошадь, запряженную в розвальни, а почти год я ходил в церковь пешком и доходил до такого переутомления, что и в понедельник не мог работать в госпитале. Начинать мое красноярское служение я должен был с единственным священником протоиереем Захаровым. Он оказался самым дурным священником, какого я когда-либо встречал, и мне пришлось вскоре запретить его в священнослужении. За свое поведение, о котором я представляю особый доклад Священному Синоду, он заслуживает лишения сана. Месяца через три после открытия церкви Бог послал второго священника Николая Попова, почти безукоризненного, а за два-три месяца до моего отъезда из Красноярска я имел возможность назначить настоятелем протоиерея Петра Ушакова, с помощью которого удалось обновить состав церковного совета, а его самого сделать председателем совета. Протоиереем Захаровым была подобрана шайка сообщников по расхищению церковных денег, производившемуся в большом масштабе. Эта компания, состоявшая из бывших обновленцев, усиленно добивалась получить Покровскую церковь в центре

города, по-видимому имея в виду выписать обновленческого архиерея. Запрещение Захарова и объявление в церкви, и лишение архиерейского благословения главной деятельности банды, по-видимому, вполне парализовали их враждебные замыслы. Эти наши действия... привлекли к нам многих староцерковников, не ходивших в церковь при Захарове...

Из многих сел, районных центров и городов поступали ходатайства об открытии церквей, и я давал им должное направление, но на все эти ходатайства мы получали один ответ из краевого исполкома: "Ходатайства посланы в Москву, и по получении ответов вам будет сообщено". Но ни одного ответа ни я, ни общины, возбуждавшие ходатайства, не получили и через шесть-восемь месяцев. В некоторых городах и районных центрах представителей общин, подававших ходатайства об открытии церквей, встречали по-прежнему очень грубо, с запугиванием и угрозами.

Вся Восточная Сибирь, от Красноярска до Тихого океана, не подавала никаких признаков церковной жизни и никаких запросов или ходатайств ко мне не поступало. По моим наблюдениям и по отзывам сибирских священников, вообще можно сказать, что народ в Сибири, особенно в Восточной, мало религиозен. До моего отъезда из Красноярска во всей огромной епархии крошечная церковь в Николаевке оставалась единственной. Если не будут открыты в близком будущем храмы в различных местах Красноярского края, то грозит религиозное одичание народа...»

7 февраля 1944 года архиепископу Луке был направлен указ о переводе его в Тамбов, где он, как и в Красноярске, совместил архипастырскую деятельность с работой в госпиталях. Во всей епархии оставалось в то время только две церкви, в Тамбове и в Мичуринске.

26 февраля 1944 года в Покровском храме владыка произнес свою первую проповедь, в которой, в частности, сказал: «Пятнадцать лет были закрыты и связаны мои уста, но теперь они вновь раскрылись, чтобы благовествовать вам слова Божии. Примите мои утешения, мои бедные, голодные люди. Вы голодны отсутствием проповеди слова Божия. Храмы наши разрушены, они в пепле, угле и развалинах. Вы счастливы, что имеете хоть небольшой, но все же храм...»

Обновленцы стали возвращаться в Патриаршую Церковь, и владыка составил для этой цели чин принятия их в православие. 5 марта 1944 года в Покровском храме состоялось принятие в православие обновленческого священника из города Кирсанова. На литургии на малом входе священник вслух читал текст покаяния, где, в частности, были такие слова: «Пред Великим и Всеправедным Богом иму же мерзость, лукавство пред тобою, Владыко святой, и пред народом православным исповедую мой смертный грех нарушения единства Церкви и участие в расколе животоцерковном и обновленческом.

Уча свою паству идти за Христом путем тесным и прискорбным, я сам в малодушии своем убоялся страданий за Христа и избрал путь лукавства и неправды, забыл я обличающие раскольников-обновленцев слова святого апостола Иоанна Богослова: "Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши" [1 Ин. 2, 19]... Горе мне, окаянному, ибо мне говорит Христос: "Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской" [Мф. 18, 6]... Господи, Иисусе Христе, Боже наш, Ты рекл еси пречистыми усты Твоими, яко радость будет на небеси о едином грешнике кающемся, нежели о

девятидесяти и девяти праведных, не требующих покаяния. Прости же, Господи, и мне, грешному, тяжкий грех мой...»

После литургии владыка обратился с проповедью к народу. «Под православием, – сказал он, – надо разумеать сохранение правой веры, данной нам Христом в Евангелии и в учении святых отцов во Вселенских Соборах. Но на протяжении веков православная вера подвергалась испытаниям и искажениям людей, по своей гордости не подчинявшихся авторитету Церкви и вводивших свои человеческие толкования в учения...

В 1922 году в Русской Церкви появился страшный раскол живоцерковной кучки священников с некоторыми архиереями – не захотели почитать Святейшего Патриарха Тихона и отмежевались от него, убоясь гонений. В 1923 году они созвали свой самочинный Собор и увлекли за собой хитростью, лестью и обманом часть доверчивых людей, образовав обновленческий раскол.

Но простой русский православный народ явился хранителем православия. В истории известно, что хранителями истины нередко являются не архиереи и священники, а народ. И вот наш народ восстал против обновленцев. Обновленческих священников и архиереев гнали из церкви, сбрасывали с лестниц церковных, кидали в них камнями, срывали с них одежды священнические, разрывали мантии на архиереях, били их, клеймили позором. Правда, за это некоторые из православных пострадали, но зато получили венцы мученические. Честь и хвала защитникам православия!.. Вот и ваш храм и община были обновленческими, и вы повинны в этом грехе раскола... Вы слышали сегодня за литургией, как калялся, плакал об этом грехе священник... осознав тяжесть греха раскола, – так и вы кайтесь в нем. Идя на исповедь, откройте этот грех своим священникам и получите прощение».

Через несколько дней благочинный, служивший в Покровском храме и бывший когда-то обновленцем, заявил владыке:

– Это были гонимы мы, обновленцы...

– На вас, обновленцев, было не гонение, – возразил архиепископ, – а выражение презрения народа. Гонимы были мы, староцерковники, от власти, так как архиереев, не пожелавших занять живоцерковнической кафедры, ссылали, храмы, которые не хотели подчиняться живоцерковническому правлению, закрывали. Обновленческие священники и епископы были агентами. По изгнанию из храма одного обновленческого священника, у него нашли в ящике составленный им список староцерковных священнослужителей – для ареста, и первым в списке был я.

Власти были разозлены содержанием чина покаяния, задевающим их верных слуг – обновленцев, и поставили об этом в известность Патриарха, потребовав, чтобы он отправил архиепископу Луке соответствующее письмо.

22 марта архиепископ Лука пришел к уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви по Тамбовской области по поводу отказа властей открыть в Тамбове собор. В беседе участвовал подполковник госбезопасности, начальник 2-го отдела УНКГБ, выдавший себя перед святителем за сотрудника облисполкома.

– Если вы находите, что ответ вас не устраивает, то можете поставить вопрос перед Советом, – сказал один из них.

– Я поставлю вопрос перед Святейшим, – ответил владыка, – о переводе меня из Тамбова, по примеру того, как я уехал из Красноярска, где не было для

меня храма и я вынужден был ходить для совершения богослужения за несколько километров.

В отчете Совету Тамбовский уполномоченный написал: «Для пополнения священнослужителей Покровской церкви города Тамбова архиепископ представил анкету для регистрации священника... по данным НКГБ, реакционно настроенного, и по установке НКГБ кандидатуру... нужно отклонить. Я в беседе ему заявил, что... нецелесообразно регистрировать, так как он не посещал Покровскую церковь, считал ее неблагоприятной и неправославной, несмотря на то, что она была в каноническом общении с Московской Патриархией, где за службой поминался Патриарх Сергей...»

О своей медицинской деятельности в Тамбове владыка писал сыну: «Работа в госпитале идет отлично... Читаю лекции врачам... Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придется в исключительных случаях и на дому принимать».

Однажды при обходе госпиталя больной красноармеец попытался оскорбить владыку и нарочито громко спросил, зачем здесь ходит этот длинноволосый. В тот же день Господь тяжело наказал его: в двенадцать часов ночи с ним произошел смертельный приступ, и он обратился с настоятельной просьбой – вызвать к нему епископа-врача. Архиепископ сразу же приехал и вошел в палату больного, который стал со слезами просить у него прощения и умолять, чтобы он спас ему жизнь, так как он уже чувствует приближение смерти. Владыка распорядился, чтобы подготовили все к операции, а затем спросил больного, верует ли он в Бога, так как не профессор, не врач возвратит ему жизнь, а Господь рукою врача.

Больной с плачем стал говорить, что теперь он верует, так как вполне осознает, что поплатился ухудшением своего состояния за грубую насмешку над святителем. Владыка в ту же ночь провел операцию, и жизнь больного была спасена. Этот случай произвел отрезвляющее действие на многих больных госпиталя.

Не забывал владыка в то время и благотворительности. Однажды, идя на службу, он увидел возле церкви опечаленную чем-то женщину и спросил ее:

– Почему ты, сестра, стоишь такая грустная?

– У меня пятеро детей маленьких, а домик совсем развалился, – ответила вдова.

– Ну, подожди конца службы, я хочу с тобой поговорить.

После службы он повел вдову к себе домой, расспросил об обстоятельствах ее жизни и дал ей денег на постройку дома.

Безбожные власти, однако, были недовольны любыми церковными успехами, и председатель Совета по делам Русской Православной Церкви генерал НКГБ Карпов* писал в отчете об архиепископе Луке: «Тамбовский

* Карпов Георгий Григорьевич (1898-1967), генерал-майор; 1915-1918 гг. – слесарь электромеханического завода Кронштадтского военного порта; 1918-1922 гг. – судовой машинист транспорта «Аргуль» Балтийского военно-морского флота, комиссар штаба минной дивизии в городах Кронштадт и Петроград; 1922 г. – парторг, машинист канонерской лодки; 1922-1928 гг. – уполномоченный, заместитель начальника особого отдела XI дивизии Ленинградского военного округа; 1928-1931 гг. – помощник уполномоченного, уполномоченный, старший уполномоченный

владыка в хирургическом госпитале в своем кабинете повесил икону, перед исполнением операций совершает молитвы, на совещании врачей эвакогоспиталя за столом президиума находится в архиерейском облачении, в дни Пасхи 1944 года делал попытки совершать богослужения в нефункционирующих храмах, делал клеветнические выпады по отношению к обновленческому духовенству».

Архиепископ Лука считал своим долгом поддерживать все ходатайства верующих об открытии храмов. В марте 1944 года в облизполком пришел с заявлением об открытии храма житель села Ламки. Во время беседы с ним местного уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви сюда же пришел владыка и, услышав, что верующие просят вернуть им переоборудованное под клуб здание церкви, сказал: «Клуб нужно закрыть, а здание отдать под церковь, так как церковь важнее клуба. Все равно в ваш клуб никто не ходит, а посмотрите, сколько молодежи бывает в церкви».

3 апреля 1944 года архиепископ Лука отправил Карпову письмо. «М.Д. Медведев* сообщил мне о Вашем отказе, открыть тамбовский кафедральный собор, – писал архиепископ. – Помимо большого личного огорчения, этот отказ вносит серьезнейшую разруху в дело лечения раненых. Ибо наша единственная, убогая и малая церковь почти непригодна для архиерейских служений. Она всегда полна народом, и даже в рядовой воскресный день невозможно пройти для каждения храма и гаснут свечи и лампы от большой духоты, ибо церковь очень низка. В большие праздники неизбежны обмороки у молящихся от духоты. Продолжать служение в ней я не считаю возможным, и если Ваш отказ в открытии собора... будет окончательным, то я буду вынужден перебраться в Мичуринск, где церковь гораздо лучше и вдвое больше, чем наша. Это сведет почти на нет мою хирургическую работу, так как там мало госпиталей и они плохо оборудованы. А в Тамбове я много оперирую, обучаю врачей трудным

контрразведывательного отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа; 1931-1934 гг. – помощник начальника отделения, начальник отделения контрразведывательного отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа; 1934-1936 гг. – заместитель начальника УНКВД Карельской АССР, где были в то время концлагеря с сотнями тысяч людей, сотня тысяч из которых погибли от непосильной работы, голода и побоев; 1936-1938 гг. – помощник начальника, заместитель начальника, начальник 4-го (секретно-политического) отдела УНКВД Ленинградской обл.; в период массовых арестов и казней 1938-1939 гг. – начальник Псковского окружного отдела УНКВД Ленинградской обл.; 1939-1941 гг. – заместитель начальника 8-го отделения 2-го отдела УГБ НКВД СССР, заместитель начальника 2-го отдела 3-го Управления (секретно-политического) НКГБ СССР, начальник 4-го отдела 3-го Управления НКВД СССР; 1943-1946 гг. – начальник 5-го отдела 2-го Управления МГБ СССР; с 1946 г. – начальник отдела «О» МГБ СССР; отдел, который он возглавлял, занимался оперативной работой по духовенству, или, как тогда это называлось, контрразведкой по Русской Православной Церкви, как будто Русская Православная Церковь была враждебным государством на чужой территории, – иначе говоря, отдел занимался слежкой и вербовкой осведомителей и деятельностью, направленной на разложение кадрового состава Русской Православной Церкви, а также использованием его в качестве агентов за рубежом. Для достижения большего успеха в этой области Карпов в 1943 г. был назначен Сталиным на должность председателя Совета по делам Русской Православной Церкви. В 1955 г. Карпов был уволен с должности начальника отдела «О» МГБ СССР в связи с привлечением его к уголовной ответственности за преступления, совершенные им в 1930-х гг. на территориях Псковской и Ленинградской обл. и Карелии; дело, однако, было закрыто; в 1959 г. за те же преступления над ним нависла угроза исключения его из коммунистической партии – однако и на этот раз это осталось всего лишь угрозой; в 1960 г. Карпов был уволен с должности председателя Совета по делам Русской Православной Церкви и отправлен на пенсию.

* Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Тамбовской обл.

операциям, которых они и не видали, и выступаю с большими докладами-лекциями на окружной конференции Орловского военного округа и на больших межгоспитальных конференциях; а в недалеком будущем собираюсь начать большой курс лекций по гнойной хирургии. Все это будет невозможно в Мичуринске. Верхний этаж собора занят не музеем, а только хаотическим складом музейного имущества, а нижний – небольшим складом эвакогоспиталей. Прошу Вас пересмотреть вопрос об открытии кафедрального собора».

Власти готовы были хвалить владыку за его работу врача, но ненавидели его за церковную деятельность и веру в Бога. Однажды владыку вызвал к себе председатель областного исполкома и, желая выразить к нему свое благорасположение, спросил:

- Чем вас премировать за вашу замечательную работу в госпитале?
- Откройте городской собор, – сказал архиепископ.
- Ну, нет, собора вам никогда не видать.
- А другого мне от вас ничего не нужно, – ответил святитель.

Председатель облисполкома вскоре умер, но пришедший на его место был не лучше. Вручая архиепископу правительственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», он пожелал ему принести еще много пользы, делясь своим богатым опытом с медиками города.

На это архиепископ ответил:

– Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей вине.

Председатель облисполкома, пытаясь оправдаться, стал говорить, что старое пора бы забыть, а надо жить настоящим и будущим, но владыка на это отрезал:

– Ну нет уж, извините, не забуду никогда!

Несмотря на подобного рода взаимоотношения с властями, иногда казалось, что и в этих условиях для Церкви можно сделать больше; 15 июня 1944 года архиепископ Лука написал письмо Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Алексию (Симанскому) с изложением плана мероприятий по возрождению церковной жизни. Все они по реальным обстоятельствам того времени оказались неосуществимыми (а само письмо, как и следовало ожидать, попало в НКГБ), однако оно отражает глубокие чаяния и переживания верующего сердца святителя.

«Высокопреосвященнейший и дорогой Владыка, – писал архиепископ Лука. – Не терпит душа и не могу молчать, видя, что творится в Церкви Божией. О, какая страшная разруха, какой страшный голод духовный, какое множество некрещеных и лишенных христианского погребения, какая беспросветная религиозная тьма! Поскорее, скорее надо нам, архипастырям, не покладая рук трудиться над восстановлением лежащей в развалинах и пепле Церкви Российской, и покарает нас Господь, если не будем спешить. Страшно, страшно для меня то, что мало будет помощников нам, что так оскудели делатели на ниве Христовой, ничему не научились за двадцать семь лет страшной и великой революции, продолжают мечтать о митрах и набивать карманы и мошна деньгами, нерадя о славе Божией! Поскорее, скорее прекратите, дорогой Владыка, награждение митрами. Чтобы лечить больных, надо знать состояние

всего организма их и с изучения его начинать лечение. Надо и нам понять религиозное состояние различных групп народа нашего, чтобы начать духовное врачевание.

Простой народ, крестьянский народ, тот, который прежде вереницами шел за тысячи верст в Киево-Печерскую и Троице-Сергиеву Лавры, в массе своей, несмотря на антирелигиозную пропаганду, остается тем же почти в религиозном отношении, как и до революции, но дичает в голоде духовном. Ему надо помочь экстренными мерами в деле восстановления богослужения, ибо оно важнее всего, поскорее надо приобщить его к великим таинствам христианским, без которых грозит маразм духовный. Медленно, нетерпимо медленно идет открытие церквей в селах, и надо ускорить его двумя мероприятиями: всемерно добиваться пред правительством немедленного открытия тех многочисленных сельских церквей, которые сохранились неповрежденными, в которых есть и утварь церковная, и облачения, и книги, возле которых часто живут без дела священники, потому что заперты двери храма. До сих пор такие церкви числятся подлежащими открытию только в общем порядке. Их должны открывать вне очереди. Не следует добиваться восстановления и открытия более или менее сильно поврежденных церквей или церквей, занятых мастерскими, складами или учреждениями, которые трудно освободить. Вместо этого, гораздо разумнее, проще и дешевле строить новые деревянные церкви-обыденки (а не молитвенные дома, о которых часто ходатайствуют). В каждом селе найдется несколько нежилых изб, которые можно разобрать и построить из них небольшую избу с небольшим алтарем, одной главой с крестом. Вот и церковь-обыденка.

Надо возбудить пред правительством ходатайство о разрешении постройки таких церквей во всем Союзе; надо поручить московским архитекторам выработать стандартные планы таких церквей и иконостасов, по возможности простых и дешевых.

В Москве и во всех епархиях надо поскорее организовать мастерские по изготовлению церковной утвари и свечные заводы, иконописные мастерские и переписку необходимейших церковных книг, не ожидая, пока станет возможным печатание их. Нам следует взять пример с мусульман, у которых в каждом кишлаке и ауле непременно есть не одна, а несколько маленьких мечетей. Предвижу возражение: где же взять столько священников, сколько их понадобится, если построить много церквей-обыденок? Невозможное людям возможно Богу... Не надо останавливаться перед трудностями, не надо лавировать и изобретать способы человеческие, чтобы обойти их. “Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам” [Мф. 6, 33]. При глубокой вере в Бога все будет возможно нам, верующим, если всегда будем идти путем высшей правды. Авраам ответил сыну своему Исааку: “Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой”, ибо и в самых отчаянных обстоятельствах не поколебалась вера его. Так и мы скажем сомневающимся: “Бог усмотрит пастырей Себе” [Быт. 22, 8], найдет их там, где мы не ищем, – не из окончивших семинарии и нередко недостойных священства, а в недрах народа Божия, среди простых и чистых сердцем овец Христова стада, и наша задача будет только в том, чтобы дать им минимум богослужебных, богословских и практических знаний, необходимых для священника. Такие священники-простецы будут даже во многих отношениях лучше священников-семинаристов, ибо они близки к народу, плоть от плоти его. Я знал священника из полуграмотных слесарей, проповеди

которого казались мне сумбурными и мало понятными, но простой народ очень хорошо понимал его, высоко ценил и любил за истинно христианское горение духа... Не дожидаясь открытия средних богословских школ, надо кликнуть клич в народе и находить достойных священства простецов, поручая образованным протоиереям и священникам вести индивидуальные занятия с ними по подготовке к священству. Ведь средние школы во всех епархиях откроются еще нескоро...

До крайности плачевно религиозное состояние советской молодежи. Она абсолютно невежественна в религиозном отношении, и ей надо было бы проповедовать Евангелие, как пермякам, мордве и черемисам. Это, однако, невозможно по советским законам, и проповедь среди молодежи возможна только двумя путями: богослужениями, которые, слава Богу, уже привлекают много молодежи, и религиозным воспитанием детей через родителей. Однако и родители в значительном большинстве весьма мало подготовлены к этому, и им надо помочь внебогослужебными беседами, на которых должны излагаться основы догматического и апологетического богословия и Священная история Ветхого и Нового Заветов. Советское законодательство разрешает ознакомление с религиозным учением молодых людей, достигших 18-летнего возраста, и следовало бы поставить вопрос об открытии воскресных школ для них...

Особой заботы требует религиозное просвещение нашей интеллигенции... Все революции, по самому их существу, всегда сопровождались огромным подъемом антиклерикализма. Это вполне понятно, так как Церковь считают главным врагом революции, и это особенно ярко проявилось в нашей Великой революции...

Безбожие русской дореволюционной интеллигенции всегда связывалось с нигилизмом и революционностью, и потому не удивительно, что революционный подъем антиклерикализма был встречен ею с радостью и очень содействовал широкому распространению антиклерикализма, смешиваемого с атеизмом.

Вторая причина распространения безбожия и отказа от религии в наших образованных и полубразованных кругах состоит в том, что скудомыслие и духовное убожество свойственно всякой толпе – все равно, образованной или темной; пожалуй, даже в гораздо большей степени полубразованной толпе, чем простым, неученым людям, среди которых немало людей ясного ума и глубоких духовных запросов.

Широкая образованность и глубокое приобщение к науке, большая самостоятельная работа на научном поприще не только не уводят от Бога, а, напротив, приводят к Нему всех тех ученых, которым свойственны глубокие запросы духа. Те самые великие открытия астрономии, которые ползнаек, людей толпы, так легко побуждают к издевательствам над религией, очень многих глубокомысленных астрономов приводят к трепетному благоговению пред всемогуществом Творца. Изучение физики и химии, анатомии и физиологии у людей поверхностного мышления служит поводом к укоренению в механическом и материалистическом воззрении, а у людей более глубокого духа рождает преклонение перед премудростью Создателя.

Но немногие способны прийти к сократовскому “я знаю только то, что я ничего не знаю”. Такие избранные глубоко сознают, что их незнание неизмеримо больше, чем малое научное знание, и никогда мера нашего знания не превзойдет меры незнания просто в силу ограниченности нашей способности познания, нашей телесной и духовной ограниченности.

Люди интеллигентской толпы этого не понимают и с чрезвычайной легкостью принимают за непреложную истину “последнее слово науки”, столь изменчивое и нередко противоречивое, и без критики, охотно подхватывают легкомысленные антирелигиозные выводы из такого “последнего слова”. Поистине удивительна умственная и духовная ограниченность таких “безбожников”, часто совершенно незнакомых с религиозными учениями, никогда не читавших Евангелия и тем не менее отвергающих его и издевающихся над ним... Такие убогие интеллигенты безнадежны для истины. Но люди средние далеко не безнадежны, и очень многие из них могут прийти ко Христу, если им помочь. А помощь им крайне необходима, ибо легко верят в Бога только люди, обладающие детским простосердечием и чистотой, а для людей, головы которых затуманены наукой, вера – очень трудное дело, ибо она требует устранения множества противоречий и разрешения трудных вопросов...

Коллективным трудом христиан – ученых всех специальностей, объединяемых компетентным архипастырским руководством, должна быть изучена и подвергнута критике вся антирелигиозная литература и создана новая, серьезная апологетика. Это большое дело займет не менее трех лет, и к тому времени отсутствующая теперь возможность издания богословских книг может открыться; наше же дело – не терять времени для осуществления этой важной задачи. Без критического разбора антирелигиозной литературы и без новой апологетики не только сельское духовенство, но и многие городские протоиереи не смогут отвечать на запросы нового времени, предъявляемые к религии.

Кроме обширной и серьезной апологетики, мало доступной сельскому духовенству, необходимо написать краткий критический обзор антирелигиозных нападок для руководства мало образованных священников.

Церковь жива и сильна кровью мучеников, страданиями исповедников, великими подвигами преподобных и ради них умножающейся благодатию Божией. Жития святых, конечно, неизмеримо сильнее книг и журналов по метопсихологии, и широкое распространение их в народе очень необходимо для обращения неверующих и колеблющихся.

Двенадцатитомные Четьи-Минеи святого Димитрия Ростовского мало кому доступны, а многочисленные краткие сборники страдают общим недостатком: то, что очень важно, изложено в них так же кратко, как и менее важное. Кроме того, богатство легендарных сказаний многих сколько-нибудь образованных людей отталкивает от чтения житий святых. Поэтому весьма необходимо издать новый сборник житий, в котором не повторялись бы очень многочисленные и однообразные биографии святых, особенно мучеников, а излагались бы только самые яркие и святые подвиги мучеников и серьезно, подробно изложенные биографии великих святых, изъясняющие путь спасения и руководствующие к духовному деланию. Число житий в таком сборнике будет гораздо меньшим, чем в наших прежних Четьях-Минейх, ставивших своей целью не оставить без упоминания ни одного святого; но, концентрируя лишь самое ценное, можно избавить читателей от однообразия и скуки и не утратить их объемом книги.

К большой работе по избранию и обработке важнейших житий святых надо приступить неотложно. Как ни важна устная и печатная проповедь и пропаганда христианского вероучения, но все наши старания в этом отношении будут медью звучащей и кимвалом бряцающим, если личным примером глубокой веры и любви к Христу, исполнением заповедей Его не будем утверждать проповедь нашу. А старые язвы духовенства и церковной жизни не излечены и страшными

уроками революции. Общеизвестны важнейшие из них: корыстолюбие, небрежение в священнослужении, тщеславие и честолюбие, недостаток братолюбия. Важнейшим средством воздействия на таких худых священнослужителей всегда была архипастырская любовь и жалость к ним, великое тщание к исправлению их кротким наставлением и личным примером святой жизни. Но и меры строгости, наказания и прещения необходимы и неизбежны, и плохи те архиереи, которые заботятся больше всего о том, чтобы жить в мире со всем духовенством, не восстанавливать их против себя и потворствуют им в их прегрешениях. Очень важным и неотложным делом считаю я немедленное прекращение награждения священников митрами, ибо это очень сильное и вредное средство к усилению тщеславия и честолюбия духовенства, препятствующее борьбе с этими тяжелыми пороками. До крайности трудна борьба с очень тяжелым следствием общей церковной разрухи – всякими расколами и самочинием священнослужителей и монашествующих, не признающих патриаршей и архиерейской власти. И здесь на первое место должны мы поставить кроткое и любовное увещание и вразумление верующих народных масс и разъяснение им церковных канонов и их важности. Это должно быть делом прежде всего самих архиереев, неустанно проповедующих в городах и селах своих епархий о единении и взаимной любви, о единстве Церкви, о смирении и послушании.

Но большая твердость и непреклонность в отношении неподчиняющихся и вожаков церковного разделения, запрещение их в священнослужении, лишение сана и даже отлучение от Церкви совершенно необходимы для искоренения расколов и разъединения».

15 мая 1944 года скончался Патриарх Сергей, и в Москве было создано Предсоборное Совещание, чтобы выработать процедуру избрания нового Патриарха, на котором присутствовал и владыка Лука. Он напомнил собравшимся, что Поместным Собором 1917-1918 годов была установлена процедура, когда кандидат в Патриархи избирался тайным голосованием из нескольких кандидатов, а затем выбирался жребием, и предложил вернуться к этой практике; поскольку выдвижение митрополита Алексия (Симанского) в качестве единственного кандидата нарушает это установление, он проголосует против его кандидатуры. В результате столь ясно обозначенной позиции архиепископ Лука не был допущен на Собор, избиравший Патриарха.

Вернувшись с Предсоборного Совещания в Тамбов, архиепископ Лука собрал священников Покровской церкви и сделал сообщение о происходившем на Совещании, сказав в частности: «На Предсоборное Совещание в Москву съехалось сорок четыре епископа, из них было больше 50 % обновленцев*, и когда я об этом узнал, я был возмущен и заранее определил, что из этого Совещания толку не будет... Подготовка выбора Патриарха – извращена. Было объявлено, что будет избираться один Патриарх, а не три кандидата, из которых по жребию должен быть избран один из трех; к тому же голосование будет открытое и за одного Патриарха Алексия. Вот таков порядок, против которого я один и выступил, и меня в этом никто не поддержал, а после в разговоре отдельные епископы высказывались за мое выступление, но они не выступали».

* Имеются в виду епископы, бывшие обновленцами, но принесшие покаяние. Поскольку покаяние они приносили по приказу властей, то в искренность его владыка не верил, считая, что если в обновленчестве они были агентами власти, то вряд ли перестанут быть таковыми, перейдя в Патриаршую Церковь.

В феврале 1945 года Патриарх Алексей I наградил архиепископа Луку правом ношения бриллиантового креста на клобуке. В январе 1946 года за выдающиеся научные работы в области медицины архиепископ Лука был награжден Сталинской премией первой степени; из денежного вознаграждения в двести тысяч рублей – сто тридцать тысяч владыка пожертвовал на помощь детям, пострадавшим от последствий войны.

Архиепископ Тамбовский Лука. 1945 год

В том же 1946 году архиепископу окончательно запретили выступать перед научной аудиторией в рясе и с панагией. Он писал по этому поводу сыну: «Я получил предложение Наркомздрава СССР сделать основной доклад... на большом съезде, который должен подвести итоги военно-хирургической работе. Я охотно согласился, но написал, что нарком запрещает мне выступать в рясе, а Патриарх – без рясы. Написал и Патриарху об этом, он мне ответил письмом... его мнение совпадает с моим: выступать в гражданской одежде, прятать волосы в собрании, в котором все знают, что я архиерей, – значит стыдиться своего священного достоинства. Если собрание считает неприемлемым и даже оскорбительным присутствие архиерея, то архиерей должен считать ниже своего достоинства выступать в таком собрании... По телефону я говорил с организатором съезда... через день он сказал, что все начальство целый день было занято этим вопросом... и как будто дело дошло до ЦК партии, но на выступление в рясе не согласились. Я просил передать наркому, что принимаю это, как отлучение от общества ученых».

Начиная с 1945-го победного года войны безбожные власти уничтожали уцелевшие здания церквей, о которых верующие возбуждали ходатайства о передаче их Церкви для совершения в них богослужений. Через два месяца после перевода архиепископа Луки с Тамбовской кафедры, в июле 1946 года, в Знаменском районе Тамбовской области по распоряжению райисполкома и

Тамбовского облисполкома было взорвано сохранившееся в целости каменное здание церкви, «об открытии которой ходатайствовали верующие. Причем взрывные работы произведены силами военнопленных немцев в один из праздничных дней и в присутствии большого количества верующих».

Назначенный на кафедру в Крым, архиепископ Лука 24 мая 1946 года прибыл в Симферополь; здесь начался последний и, может быть, самый трудный период жизни святителя-исповедника. Труды церковные, труды врачебные, которые владыка не оставлял еще в течение нескольких лет, осложнялись выматывающими гонениями от безбожных властей. Если раньше безбожники ставили своей целью уничтожение Церкви и достигали этого через аресты священнослужителей, то теперь, преследуя ту же цель, они мыслили достигнуть ее не только через аресты, но и через усиленную работу по нравственному разложению священнослужителей и мирян, чтобы таким образом добиться закрытия всех храмов в России и самоликвидации Русской Православной Церкви. Над достижением этой дьявольской цели трудились тысячи щедро оплачиваемых государством людей, на каждого священника и, тем более архипастыря, выделялись десятки этих дьявольских слуг, стремившихся подчинить себе священнослужителя, сделав его послушным орудием разрушения Церкви, или уничтожить.

На следующий день после прибытия в Симферополь архиепископ Лука послал к местному уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви секретаря епархии, через которого передал, что он прибыл и вступил в управление епархией, на что уполномоченный заявил, пусть архиепископ сам к нему явится.

Через день владыка приехал к уполномоченному и, представляясь, сказал:

– Архиепископ Лука.

– Валентин Феликсович, – с вызовом поправил уполномоченный, приглашая владыку сесть.

– Я был Валентин Феликсович двадцать пять лет назад, – спокойно заметил владыка, – а сейчас архиепископ Лука.

На это замечание уполномоченный угрюмо промолчал.

Через несколько дней уполномоченный снова потребовал, чтобы архиепископ явился к нему, снова назвав его по имени-отчеству.

– Вы... все же упорно настаиваете на том, чтобы называть меня светским именем? – спросил его архиепископ.

– Вы имеете советский документ – паспорт. Как вы там записаны?

– Ну конечно, как вы называете.

– Ну вот и правильно, только так я и могу вас называть!

Владыка добродушно рассмеялся и сказал:

– Вы привыкнете меня называть иначе.

В ответ уполномоченный стал отчитывать архиепископа за то, что тот допустил совершать богослужения в соборе архимандриту Тихону (Богославцу), между тем как архимандрит Тихон был по его требованию предыдущим архиереем уволен за штат и в связи с этим снят с регистрации и не имеет теперь справки, без которой ни один священнослужитель не может совершать богослужения и требы.

Архиепископ стал убеждать уполномоченного зарегистрировать архимандрита Тихона или по крайней мере не препятствовать, когда тот будет

совершать богослужения вместе с ним, но уполномоченный ответил на это категорическим отказом.

Спустя месяц уполномоченный снова потребовал, чтобы архиепископ явился к нему, и весьма агрессивно заявил:

– Валентин Феликсович! Вы провели ряд перемещений, увольнений, вызывали из других епархий ряд священников, и я узнаю об этом только тогда, когда приходят ко мне с вашими приказами для получения у меня регистрационной справки. В дальнейшем прошу вас обо всех мероприятиях, проводимых вами, предварительно извещать меня и даже согласовывать.

– А зачем это нужно, разве недостаточно того, что я сам это буду проводить?

Но уполномоченный вновь категорично потребовал, чтобы все перемещения, увольнения и вызовы из других епархий предварительно согласовывались с ним. Особенно раздражало уполномоченного отношение архиепископа к священникам-исповедникам. В своем информационном докладе Совету по делам Русской Православной Церкви он писал 2 апреля 1948 года: «Из одиннадцати священников, посвященных в сан после 1945 года, десять посвящены архиепископом Лукой. Двадцать священников подвергалось в свое время репрессиям или были судимы.

Отношение архиепископа Луки к этой категории священников и к посвященным им лично более благожелательное: предоставляет им лучшие приходы, не подвергает их частым переброскам из одного прихода в другой. Особенно это заметно по отношению к подвергавшимся репрессиям, как “страдавшим за православную веру”».

Архиепископ Лука застал Церковь в Крыму в самом плачевном состоянии. До немецкой оккупации все православные храмы, кроме одного в Симферополе, были советской властью закрыты. Во время оккупации по инициативе местного населения были открыты восемьдесят две церкви, но после освобождения Крыма власти позволили зарегистрировать только семьдесят храмов. Во время управления Крымской епархией предшественника архиепископа Луки, епископа Иоасафа (Журманова), и при его неременной поддержке было закрыто восемнадцать храмов. В городе Симферополе после ухода немцев «имелось семь действующих церквей и молитвенных домов. Епископ нашел, что для Симферополя семь церквей много и своим распоряжением две церкви объединил с другими близлежащими церквями... В городе Ялте имелось три действующих церкви, которые расположены одна от другой на близком расстоянии. На все три церкви имелся один священник. Епископ нашел, что для Ялты иметь три действующих церкви много, все их он объединил в один приход с оставлением одной действующей церкви». Епископ Иоасаф считал, что приходы слишком свободно обращаются с денежными средствами и ввел должность епархиального ревизора, обратившись к уполномоченному с просьбой: «не сможет ли последний порекомендовать ему кого-либо из мирян на должность епархиального ревизора». Власть определили на это место своего человека, и таким образом и хозяйственная деятельность храмов была поставлена под контроль.

Еще в худшем состоянии было в Крыму положение с духовенством. Почти все исповедники и ревностные пастыри претерпели мученическую кончину в 1930-е годы, большая часть крымского духовенства при епископе Иоасафе состояла из бывших когда-то отступниками и предателями Церкви и людей, имеющих канонические нарушения. Перед вступлением епископа Иоасафа в

управление епархией в Крыму было три обновленческих прихода, два обновленческих священника явились к епископу и просили принять их в каноническое общение с Церковью, оба были приняты и оставлены настоятелями храмов; третий священник-обновленец заявил, что «никакой власти духовной над собой не признает, а признает только власть советов»... был вызван епископом и после разъяснения... был принят... с оставлением настоятелем того же храма».

Впоследствии многих из них архиепископ Лука запретил в священнослужении, а некоторых лишил сана. Один из таких священников снял с себя сан еще в 1922 году, был «начальником пожарной охраны промышленных предприятий в Симферополе и участвовал в разборе кафедрального собора». После смерти жены он вновь женился, а когда Крым был оккупирован немцами, стал служить священником и продолжал служить при епископе Иоасафе. Архиепископ Лука вызвал его и, упрекнув в отступничестве, лишил сана священника за двоеженство, и тот пошел жаловаться на архиепископа Крымскому уполномоченному, заявив ему, что «он решил повести против Луки решительную борьбу, и если возможно, то и через печать», а Бельшевец, узнав об этом и памятуя свое прошлое следователя, заметил на слова владыки об отступничестве: «Вредный Лука!»

Управляя Крымской епархией, владыка попытался упорядочить ее религиозную жизнь. Указав некоторым священникам на недопустимость небрежного отношения к своим пастырским обязанностям и зазорного, соблазнительного поведения, он призвал благочинных и настоятелей храмов «выявлять желающих быть священниками из числа ревностных и религиозно-настроенных мирян». Он распорядился «не допускать пострижение волос и бороды священнослужителям», дабы через внешний облик не иметь соблазна устыдиться высокого звания пастыря.

К этому времени осуществление Таинства Исповеди было во многих приходах разрушено обновленцами, ленивцами и сребролюбцами. И святитель указал, что нельзя к исповеди относиться формально, он запретил проведение общей исповеди и благословил руководствоваться правилами, составленными им на основе правил Константинопольского Патриарха Иоанна Постника; епитимийные правила архиепископа Луки были более мягкими, чем правила святых отцов и учителей Церкви, но более суровыми, чем снисходительные правила Иоанна Постника; они и «были даны благочинным для рассылки всем настоятелям церквей». Это была попытка святителя преодолеть малодушие пастырей, привыкших к самооправданию и снисходительности к своим грехам, и часто лицеприятных к пастве, замалчивавших перед нею серьезность вопросов спасения души, вечной жизни и смерти, попытка призвать духовенство и паству смотреть на жизнь не как на средство получения временных благ, а как на средство стяжания милости Божией, дарующей вечную жизнь. Правила эти определяли не допускать до святого причащения рукоблудников до полного оставления греха, а после оставления допускать к причащению через три года; мужеложников и скотоложников запрещать на десять лет; за блудодеяние – на пять лет; за прелюбодеяние – на семь лет; за кровосмешение – на пять лет; за снохачество или сожительstwo с тещей – на пять лет; за убийство намеренное – на восемь лет, за ненамеренное – на четыре года, за вытравление плода – на пять лет; мать заспавшую (задушившую) во время сна ребенка – на три года; бросившую своего новорожденного ребенка – как за убийство; вора,

добровольно покаявшегося, – на один год, уличенного – на два года; за святотатство – на три года; за нарушение клятвы – на три года.

В 1947 году архиепископу пришлось уволить за штат трех священников за полной невозможностью исполнять ими священнические обязанности, шесть священников были лишены сана, один священник ушел служить в одно из советских учреждений, пять священников были отпущены владыкой в другие епархии. В том же году он рукоположил пятнадцать священников по своему выбору и сердцу, большей частью из людей имевших большой жизненный опыт.

Из шестидесяти двух священников и диаконов, служивших в Крымской епархии в 1948 году, тринадцать человек ранее отбывали заключение в лагерях.

25 сентября 1948 года безбожные власти под предлогом слияния приходов решили закрыть в Крыму ряд церквей, и уполномоченный потребовал, чтобы архиепископ немедленно явился к нему для обсуждения этого вопроса. Владыка сказал, что занят и явиться не может, но уполномоченный продолжал настаивать. 15 октября владыка пришел к уполномоченному вместе с секретарем, как со свидетелем, учитывая хорошо известное ему лукавство советских чиновников.

Предчувствия не обманули владыку. Уполномоченный сообщил, что Совет по делам Русской Православной Церкви решил соединить приходы церквей поселка Мичурино и села Грушевка Старо-Крымского района и освободить для государственных нужд одно из церковных зданий, так как оно находится на территории научно-исследовательского учреждения, которая является запретной.

– Прошу вас, Валентин Феликсович, – продолжал уполномоченный, – дать по своей линии указание о слиянии приходов, освобождении церковного здания в поселке Мичурино и передаче церковного имущества из последней в грушевскую церковь.

– С каких же это пор там стала запретная зона? – с возмущением спросил владыка. – Почему же ее до сих пор не было? Что же, начинаете закрывать церкви?! Ну что же, закрывайте, а я закрывать не буду и никаких указаний об этом давать не стану!

Архиепископ Лука потребовал от уполномоченного дать ему копию решения Совета. Но уполномоченный, выученный не оставлять документов о деятельности, которую можно было обжаловать в законном порядке, дать таковую отказался, заявив, что вполне достаточно, что он, как официальное лицо, говорит об этом.

– Этого недостаточно, – сказал архиепископ Лука, – мне эти документы нужны, чтобы оправдаться перед Патриархом и, главным образом, перед народом верующим, что церкви закрываю не я лично, а Совет и его уполномоченный.

На это уполномоченный с наглой бессовестностью заявил, что церкви не закрывались и не закрываются. А с церковью в поселке Мичурино особое положение.

– Как не закрывались?! – воскликнул владыка. – А Владимирскую церковь в Симферополе закрыли!

– Владимирская церковь не закрывалась, – продолжал нагло лгать уполномоченный, – а предложено было приходской общине освободить помещение, как бывший клуб, а вместо него рекомендовано найти другое помещение.

– Приходская община Владимирской церкви, – непреклонно и твердо заявил владыка в ответ, – находила для покупки три дома, была уже

договоренность в цене, и владельцы домов с радостью их продавали, но затем, когда им приносили деньги, они со смущением заявляли, что передумали продавать и продавать не будут. Не иначе, как их куда-то вызывали и запретили им продавать дома для церкви.

– Мне об этом ничего не известно, – лгал уполномоченный.

– Я не сомневаюсь, что все это проделывается помимо вас, но я твердо уверен, что это происходило именно так; у меня нет подтверждающих фактов, а если бы были таковые, то я бы о них сообщил Патриарху... Я не хочу, чтобы среди верующих шли разговоры, как о моем предшественнике епископе Иоасафе, который много позакрывал церквей.

Завершая эту тему, архиепископ Лука заявил, что никаких указаний в отношении церкви в поселке Мичурино он давать не будет. На прощание архиепископ сказал уполномоченному:

– Если вы... будете со мной разговаривать начальственным тоном, то я вообще с вами разговаривать не буду и являться к вам также не буду. Я намного старше вас, в сане архиерея состою двадцать пять лет, являюсь большим ученым, лауреатом Сталинской премии, пользуюсь большим заслуженным уважением не только как ученый, но и как архиерей... и разговора с собою в начальственно-повышенном тоне не потерплю ни от кого и требую к себе уважения.

По приезде архиепископа в Симферополь власти за отсутствием помещения для епархии поселили его в доме Жилищного управления; в одном с ним коридоре были еще два жилья, у одного из них жила девушка, которая до поздней ночи принимала молодых людей. Архиепископ Лука многократно просил власти предоставить этим жильцам комнаты в других помещениях, но те игнорировали его просьбы, и владыка вынужден был об этом написать Патриарху. «Странно то обстоятельство, – писал он, – что по вопросу о выселении сторонних жильцов имеются даже распоряжения Москвы из Министерства здравоохранения, не говоря уже о наличии неоднократных предписаний со стороны местного облисполкома Жилищному управлению, и все же жилищные условия архиерея остаются прежними.

Очевидно, в данном случае действует какая-то серьезная посторонняя сила, которая налагает вето на предпринимаемые мероприятия.

Ко мне обращаются с настойчивыми просьбами принять участие в практической врачебной деятельности, но я отказываюсь впредь до улучшения моих бытовых условий».

Только через два года власти удовлетворили его просьбу, и то, как считал владыка, лишь благодаря его всемирной известности.

Прибыв в Крымскую епархию, владыка застал ее в развалинах не только физических, так как многие храмы были разрушены до и во время войны, но и изъязвленной нравственно; проникновение безбожия с помощью агентов так называемой госбезопасности было настолько глубоко и всеобъемлюще, что оно парализовывало любую созидательную церковную деятельность. Местные отделения КГБ устраивали в приходах бунты против архиепископа и его распоряжений, творили расколы, терроризировали верующих; их сотрудники отмечали всех ходивших в храмы и затем вызывали для индивидуальных бесед, состоявших в основном из запугиваний. И немудрено, что многие храмы в Крыму вскоре опустели. Иные священники совершали службу в абсолютно пустых храмах, им не раз приходила искусовая мысль оставить служение или проситься в другой, лучший приход. В селах руководители сельсоветов и колхозов

в воскресные дни и в церковные праздники намеренно выгоняли людей на работу, а к тем, кто все же шел в храм, применяли репрессии, создававшие общее настроение безысходности, так как все сельское население тогда целиком находилось во власти местных безбожников. И нужно было иметь веру поистине апостольскую, чтобы преодолеть эти трудности.

В феврале 1948 года на собрании благочинных Крымской епархии архиепископ Лука «зачитал свой рапорт на имя Патриарха о том, что местные власти неправильно заставляют население работать в праздничные и воскресные дни, народ поэтому... не имеет возможности ходить в церковь... Патриарх должен вмешаться в это дело через центральные советские органы. На этом собрании архиепископ Лука сказал: “Я запросил всех благочинных о наличии на местах конкретных фактов противодействия церковному делу со стороны местных властей. Вот когда соберу эти факты, то поставлю вопрос перед Ждановым* для принятия соответствующих мер. Посмотрим, как будет реагировать на это Жданов”».

Жалуясь на сложившееся в епархии положение, являвшееся следствием многолетних гонений, архиепископ Лука писал Патриарху Алексию: «По воскресеньям и даже праздничным дням храмы и молитвенные дома почти пустуют. Народ отвык от богослужений и кое-как лишь сохраняется обрядоверие. О венчании браков, об отпевании умерших народ почти забыл. Очень много некрещеных детей. А между тем, по общему мнению священников, никак нельзя говорить о потере веры в народе. Причина отчуждения людей от Церкви, от богослужений и проповедей лежит в том, что верующие лишены возможности посещать богослужения, ибо в воскресные дни и даже в великие праздники в часы богослужений их принуждают исполнять колхозные работы или отвлекают от церкви приказом привести скот для ветеринарного осмотра, устройством так называемых “воскресников”... Это бедственное положение Церкви может быть изменено только решительными мероприятиями Центрального Правительства».

Духовенства в епархии не хватало, многие храмы оставались без богослужения, и власти, запрещая делать их приписными, закрывали их; чтобы этому воспрепятствовать, владыка временно назначал в эти храмы священников, а затем переводил их в другие, где также не было пастырей; там, где за отсутствием прихожан не было средств на содержание священника, владыка выделял деньги из епархиальных средств, делая все, чтобы не были закрываемы храмы, зная по опыту, насколько трудно будет их открывать, тем более что некоторые из них после закрытия могут быть и вовсе разрушены. В тех случаях, когда старосты храмов по наущению КГБ устраивали против архипастыря бунты, владыка не останавливался перед отлучением их от причастия.

Чтобы возбудить в верующих ревность о своем спасении, святитель обратился с распоряжением по епархии: «Объявить всем священникам, что христиане, малодушно объявившие себя в анкетах былого времени неверующими, должны считаться отступниками от Христа (Мф. 10, 33). Их запрещать в причастии на четыре года».

Но более всего он заботился о нравственной чистоте самих пастырей, не останавливаясь, в случае канонических нарушений и небрежения его распоряжениями, запретом в священнослужении и снятием сана.

* Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Крымской обл.

«Отвык наш несчастный народ, – писал он в своем указе по епархии 16 февраля 1948 года, – ежедневно бывать в церкви, как было в старину. Забыли и священники свой долг быть всегдашними молитвенниками о народе. Никем не совершается память святых, которым положены службы на каждый день. Многие сельские священники прямо говорят мне, что им нечего делать целую неделю, от воскресенья до воскресенья.

Как нечего? Не их ли обязанность молиться всем святым, не их ли долг быть молитвенными предстателями Богу за народ? Что мешает священнику каждый день хотя бы вечерню прочитать про себя в церкви при одной горящей на престоле лампаде или даже у себя дома?..

Немало у нас церквей, которые стоят запертыми от воскресенья до воскресенья.

А разве не должны они открываться каждое утро при звоне в один колокол, зовущем верных хоть на несколько минут зайти в храм по дороге на работу или по мирским делам? Если будет знать верующий народ, что каждое утро открыт храм, что даже при невозможности ежедневно совершать Божественную литургию читаются в нем часы и служится обедница, то сила Божия упрочит благочестие, привлечет в храмы все больше людей, видящих, что священник каждый день молится о них».

«До моего сведения дошло, – писал владыка в своем распоряжении благочинным 11 марта 1948 года, – что некоторые священники продолжают назначать таксу, и притом высокую, за Таинства и требы.

Прошу отцов благочинных строго следить за проявлениями корыстолюбия священников, служащего нередко поводом к переходу православных в секты, и объявить, что уличенные в требовании определенной платы за требы будут запрещаться мною в священнослужении».

Сам владыка проповедовал не только в воскресные и праздничные дни, но и за всеми будничными богослужениями, и в конце концов власти стали принимать меры, чтобы заставить его замолчать.

28 октября 1948 года секретарь Крымского обкома ВКП(б) Соловьев направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову. «В 1946 году в Крым на должность архиепископа Симферопольского и Крымского был прислан Лука... – писал он. – По приезде в Крым Лука развивает энергичную религиозную деятельность, спланировав вокруг себя все реакционные элементы Крыма...

Лука выступает как открытый противник науки. В проповеди от 26.11.1947 года он говорил: “Люди науки, искусства – пустые люди, люди тщеславия, самомнения, эгоизма, величия внешнего. Они живут только ради себя”.

В своих проповедях Лука публично осмеивал материализм и материалистов, старался изобразить дело таким образом, как будто бы великие ученые Коперник, Пастер, Павлов – это люди не науки, а люди религии...

Обращаясь... к прихожанам, Лука говорит: “Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло, а вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христианская за нашу веру. Этим только и укреплялась христианская вера ...”

Нетрудно видеть ярко выраженный антисоветский клеветнический характер образа мыслей этого “проповедника”.

Во всех своих выступлениях Лука старается проводить... взгляд, что советский народ все тридцать лет страдает, еще не видно конца этим страданиям. Так, например, 9 ноября 1947 года в своей проповеди он говорил: “Если вы

спросите меня, когда же прекратятся эти лишения и будет хорошая жизнь, то я скажу вам, что прошедшие тридцать лет – это сравнительно ничтожный срок и пройдет еще много десятков лет, прежде чем жизнь наша будет вполне нормальной”.

Мы со своей стороны считаем, что Лука в своей деятельности лишь прикрывается религией, а главная работа, которую он выполняет здесь по чьему-то заказу, – это вести открытую антисоветскую пропаганду среди народа.

В силу особого положения Крыма как пограничной полосы, мы считаем необходимым через соответствующие органы удалить Луку из Крыма».

Власти рьяно принялись преследовать архиепископа, действуя через уполномоченных; те не могли запретить святителю проповедовать и действовали через сотрудников Патриархии и Патриарха, вынуждая их уговаривать архиепископа перестать проповедовать.

Уполномоченный доносил в Москву, что архиепископ «читает проповеди не только на евангельские темы, по толкованию так называемого Священного Писания, но и на разнообразные другие и даже философские темы, как “О науке и религии”, “Об истоках современного безбожия”, “О суетности славы человеческой”... Даже и проповеди на евангельские темы увязывает с современностью, как-то: охаивание молодежи, что последняя стала распущенной, безбожной, ходит по театрам и кино, а церкви не посещает, не молится Богу...

После указа Синода от 25 августа 1948 года¹ и определения Синода от 16 ноября 1948 года² его проповеди стали носить больше церковный характер, но он все же продолжает их читать ежедневно...».

По поводу этих указов и о том, как обстоит дело проповеди, архиепископ Лука послал Патриарху Алексию отдельное письмо, высказывая свое несогласие с ограничением проповеди и просветительской деятельности Церкви. Между тем уполномоченный требовал от архиепископа, чтобы он не только свою проповедническую деятельность сократил, но и всех пастырей Крымской епархии, что явно шло в разрез с принципиальными воззрениями святителя.

23 марта 1949 года уполномоченный явился к тяжело болевшему в то время архиепископу и заявил, что священники ялтинского собора не выполняют указы Патриарха и Синода от 25 августа и 16 ноября 1948 года в отношении проповедей: священники могут говорить проповеди в воскресные и праздничные дни по толкованию и объяснению Евангелия, и их «проповеди должны носить чисто церковный характер. Но в ялтинском соборе проповеди произносятся ежедневно, да еще по два раза, во время утренней службы и вечерней.

Кроме того, священником Руденко* два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, после вечерней службы проводятся беседы на “душеспасительные темы”, и эти беседы не являются ли преподаванием Закона Божия? О днях и часах бесед на входных дверях собора вывешено объявление.

В притворе при входе в собор на обеих стенах висят большие плакаты с рисунками, художественно оформленными, на библейскую тему “О земной жизни Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира”, под каждым рисунком имеется текст, составленный священником Руденко, – по сути дела, это наглядная религиозная пропаганда...».

* В 1949 году он был арестован органами МГБ; в 1955 году по отбытии срока заключения вернулся в Крым и был назначен архиепископом Лукой настоятелем Всехсвятской церкви в г. Феодосии.

Выслушав уполномоченного, владыка сказал, что «проповеди произносятся ежедневно, это хорошо, так и должно быть, так как он и сам их говорит ежедневно, – с указами Синода в отношении проповедей и непреподавания Закона Божия он не согласен, о чем и писал Патриарху, что главным-то образом он и едет к Патриарху для беседы с ним по этим вопросам. Если священник Руденко проводит беседы на “душеспасительные темы” после службы – тоже неплохо, и эти беседы проводились испокон веков: он и сам, еще будучи священником в Ташкенте, такие беседы проводил, ничего в этом нет плохого...».

Рассказав далее о своей проповеднической деятельности, о том, что им в Тамбове произнесено более двухсот проповедей, которые были записаны и впоследствии им исправлены, и что в этих проповедях ему приходилось говорить против материализма, владыка заключил: «Хотя это вам, коммунистам, и не нравится, но ничего поделать нельзя; вы, коммунисты, ведете антирелигиозную пропаганду, а я – религиозную. Выступал против материализма в своих проповедях – и буду выступать; говорю проповеди строго по Евангелию, а в Евангелии есть места против материализма. Многие проповедники в своих проповедях об этих острых местах умалчивают и их обходят, но я этого никогда не делал и делать не буду; я знаю, что за моими проповедями следят, и очень аккуратно, из МГБ и там в моих проповедях ничего не находят предосудительного. Но если они коммунистам не по душе, то тут ничего не поделаешь...»

28 марта 1949 года архиепископ Лука прибыл в Москву для беседы с Патриархом и митрополитом Николаем (Ярушевичем). Многолетнее общение с представителями советской власти, людьми исключительно беспринципными, привело к тому, что Патриарх при любом конфликте с властями послушно шел на то, чтобы снять с себя нарекания с их стороны за то или иное действие какого-нибудь архиерея, вызвавшее их неудовольствие; оказывая давление на архиереев, он напоминал им о церковной дисциплине и обязательности подчинения первоиерарху.

Заседание Священного Синода (слева направо): Святейший Патриарх Алексий I (Симанский), митрополит Николай (Ярушевич) и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Оказавшись в руках преступных хищников, правивших тогда страной, руководство Русской Православной Церкви, будучи поставлено под полный контроль властей, потеряло в то время возможность независимой деятельности. Все дела с Русской Церковью велись коммунистической властью через Совет по делам Русской Православной Церкви, руководство которого состояло из бывших следователей НКВД, принимавших участие в самых кровавых расправах со священнослужителями и верующими в разгар гонений 1937-1938 годов, в личной практике которых было пыточное следствие, а на совести – смертные приговоры, включая убийство Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра (Полянского), бесчисленного числа архиереев, священнослужителей, монашествующих и простых мирян, и массовые убийства граждан России.

8 марта 1949 года Патриарх был принят председателем Совета по делам Русской Православной Церкви генералом МГБ Карповым, который, в частности, поставил Патриарху на вид проповедническую деятельность архиепископа Крымского Луки. После этого выговора Патриарх сказал митрополиту Крутицкому Николаю (Ярушевичу): «Очень прискорбно, что... есть новые пятна на Церкви: недопустимое проповедничество архиепископа Луки с антисоветским уклоном, недопустимое поведение Кировоградского епископа Феодосия по возбуждающему верующих выступлению за открытие храма и с его игнорированием моих распоряжений о запрещении летних разъездов по епархии, – все это вместе взятое может произвести впечатление общей нашей расхлябанности и неумения ценить благожелательные отношения Правительства к Церкви».

После встречи с Карповым Патриарх «взялся за составление обращения к архиереям с новыми требованиями: не допускать в своих действиях ничего, выходящего за рамки деятельности, указанные законом и распоряжениями Патриархии». Посему, когда архиепископ Лука прибыл в Москву в надежде убедить Патриарха в правильности своих действий и отсутствии в них какого-либо преступления с точки зрения церковной, Патриарх уже был настроен весьма решительно в стремлении добиться от архиепископа отказа от проповеднической деятельности.

В первые дни своего пребывания в Москве архиепископ Лука несколько раз беседовал с митрополитом Николаем, готовившем его к тому, что ему придется отказаться от проповедей, а затем был принят Патриархом, который потребовал от него, чтобы он прекратил ежедневные проповеди, что привело душу святителя в состояние смятения: владыка видел свое призвание в просвещении паствы с помощью проповеди, и потому ему было нелегко согласиться с требованием безбожников, прозвучавшим из уст Патриарха.

Сотрудникам Патриархии владыка рассказывал тогда о своей проповеднической деятельности: «Слушают затаив дыхание. Сколько подростков окружают меня! Сколько комсомольцев и комсомолок причащаются! Сколько интеллигенции приходит послушать меня! Я объясняю Евангелие и Апостольские послания. В них есть немало того, что неприятно неверующим, – но я ничего не пропускаю из слова Божия и считаю, что я должен говорить не только приятное, но и неприятное, чтобы заставить людей задуматься над тем, куда они идут. Я, например, говорю об идеализме и материализме. Конечно, я характеризую материализм с надлежащей стороны, как ни горько это слушать атеистам... Я знаю, что моя церковная карьера кончилась, что не дадут согласия на мой перевод на лучшую кафедру, так как понимают, что я умею возбудить весь город.

Но я не ищу церковной карьеры, как перестал искать карьеры и медицинской. Мне немного остается жить. Медициной я не занимаюсь, потому и хочу каждый день своей жизни отдавать на служение Богу и делу проповеди о Нем. Для меня теперь вся жизнь – в массах, стоящих передо мной и жадно вбирающих в себя мои слова... Конечно, я учту замечания, сделанные Патриархом Алексием и митрополитом Николаем. Я буду сглаживать острые углы в своих выступлениях, но своих убеждений я не могу скрывать».

В течение нескольких дней с архиепископом Лукой беседовали послушные распоряжениям Карпова управляющий делами Московской Патриархии митрополит Николай (Ярушевич), протопресвитер Николай Колчицкий и секретарь Патриарха Лев Парийский, которые, подобно ложным друзьям многострадального Иова, убеждали владыку беспрекословно подчиниться требованиям Патриарха. И в конце концов владыка скрепя сердце согласился и сказал митрополиту Николаю: «После разговора с Патриархом, с вами, с Колчицким, с Парийским я хорошо понял, что не должен допускать в своих проповедях ничего не только неприятного для неверующих и гражданской власти, но и никаких двусмысленностей, какие могли бы быть истолкованы как намеки на современную идеологию и современную действительность. Но я болезненно переживал несколько дней предложение Патриарха Алексия о том, чтобы прекратить ежедневную проповедь. Как я лишу себя этой радости, если на мою проповедь съезжаются люди со всех концов Крыма и даже из других городов? Люди бросают часы службы и вырываются под разными предлогами из симферопольских учреждений, чтобы только послушать меня. Но я – монах, я должен подчиниться Патриарху. Но что я скажу верующим о причине отмены ежедневных проповедей? Сказать правду, что это мне запрещено Патриархом, – я не могу. Сказать ложь, что я заболел, – тоже не могу. Но теперь, к концу своего пребывания в Москве я успокоился. Меня надоумил Парийский заняться переработкой напечатанных на машинке моих проповедей... И я скажу верующим, что я занят составлением сборника и потому стал говорить редко... Конечно, лучше бы мне быть переведенным в другой город, где я сразу начал бы говорить только по воскресеньям. Ну, буду делать так и в Симферополе, ничего не поделаешь. Патриарх сказал, что я своими выступлениями могу нанести вред всей Церкви, наложив на нее пятно... Надо подчиняться Патриарху».

Генерал МГБ и председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Карпов был доволен результатами своей разрушительной деятельности и 8 апреля 1949 года докладывал по этому поводу Сталину: «Архиепископ Лука, дав заверения Патриарху, что он проповеди будет читать только по воскресеньям и праздничным дням, ограничиваясь толкованием “Священного Писания”, 4 апреля вылетел в Симферополь. Насколько искренне заявление архиепископа Луки Совет проверять не имеет возможности, так как не располагает надлежащими источниками информации...^{*} Тем не менее Совет считает, что, несмотря на такое заявление, архиепископ Лука продолжает оставаться реакционером, которого в благоприятный момент при наличии надлежащего повода необходимо подвергнуть изоляции».

После беседы с Патриархом и все новых требований Крымского уполномоченного, стремящегося руками архиерея ограничить свободу Церкви,

^{*} Собираемой отделом МГБ, руководимым Карповым, независимо от Совета.

владыка в своих распоряжениях стал писать, что это всё требования уполномоченного.

Потребовал уполномоченный, чтобы не привлекались к участию в богослужении подростки, – архиепископ издал распоряжение: «Уполномоченный Совета по делам Православной Церкви Я.И. Жданов требует, чтобы в алтаре прислуживали только мальчики от четырнадцати до восемнадцати лет и притом с письменного согласия родителей».

Заявил уполномоченный в устной беседе с архиепископом, что крещение детей должно производиться только с согласия родителей, а иначе священник будет привлечен к судебной ответственности, – владыка, возразив ему, что он с этим совершенно не согласен, направил настоятелям церквей распоряжение: «Уполномоченный по делам Православной Церкви по Крыму требует, чтобы священники крестили детей не иначе, как с устного или письменного разрешения родителей. Предупреждает, что за крещение ребенка партийных родителей без такого разрешения священник будет подлежать судебной ответственности».

Сказал уполномоченный, что похоронные процессии недопустимы, – владыка так и огласил: «Уполномоченный по делам Православной Церкви по Крыму запрещает священнику провожать покойника на кладбище в облачении, с хоругвями и пением».

Проявил уполномоченный интерес к состоянию здоровья женщин, выпекающих просфоры, владыка отдал распоряжение: «Уполномоченный Совета по делам Православной Церкви Крымской области требует, чтобы все лица, непосредственно занятые на выпечке просфор в церкви, в обязательном порядке прошли медицинский осмотр».

А поскольку всё это были распоряжения не епархиального архиерея, а уполномоченного, то каждый священник мог сам решать – выполнять или не выполнять их в соответствии со своей священнической совестью.

При таком развороте событий владыка почти перестал посещать уполномоченного, предпочитая вести с ним отношения через жалобы Патриарху.

23 августа 1949 года архиепископ Лука встретился с Крымским уполномоченным. Положение Церкви в Крыму все ухудшалось: всех, кого ни приглашал архиепископ для служения в епархии, не допускало к служению МГБ, пропуская лишь тех, кто готов был с ним в той или иной мере сотрудничать; храмы закрывались, священники, которые уже отбыли наказание по десять лет, снова были арестованы и по старому, десятилетней давности обвинению осуждены на новые сроки. «При епископе Иоасафе в Крыму было более шестидесяти церквей; когда я прибыл в Крым, принял пятьдесят восемь церквей, а сейчас их осталась пятьдесят одна, а через пару лет, видимо, останется сорок или еще меньше... – заявил архиепископ Лука уполномоченному. – Вы – коммунисты и ведете к тому, чтобы церкви и религиозность среди населения свести на нет, а новых церквей не разрешаете открывать, хотя население их желает иметь».

Настоятель сельского храма спросил однажды владыку: можно ли проводить крестные ходы; архиепископ Лука, памятуя беседы уполномоченного и злую настойчивость последнего в преследовании Церкви, разослал послание всем священникам Крымской епархии, в котором писал: «Крестные ходы вокруг храма, кроме только первого дня Пасхи, запрещены не архиереем, а уполномоченным, и это запрещение должно соблюдаться...

Общие обеды в храмовые праздники запрещаются уполномоченным под открытым небом в ограде храма и разрешаются только в закрытых помещениях.

Все изложенное в настоящем послании должно быть оглашено прихожанам с амвона».

Текст послания был доведен до Патриарха, который, действуя в русле занятой им позиции, заметил, что считает это послание неправильным. В своем объяснении по этому поводу архиепископ Лука сообщил, что «сделал он это по устному требованию уполномоченного Совета, но, считая недопустимым, чтобы недовольство, вызванное этим распоряжением, легко на плечи архиерея, сослался на уполномоченного Совета».

Узнав об этом, Бelyшев зло написал: «Неправильно, вредно и подозрительно».

В Крыму Господь прославил святителя не только как исповедника, но как чудотворца и благотворителя в это скудное материальными недостатками послевоенное время. Святитель старался помогать всем. Обед на его кухне готовился на пятнадцать-двадцать человек. Этот обед был самый простой, зачастую состоявший из одной похлебки, но в ту пору у многих симферопольцев не было и этого. «На обед приходило много голодных детей, одиноких старых женщин, бедняков, лишенных средств к существованию, – вспоминала племянница архиепископа. – Я каждый день варила большой котел, и его выгребали до дна. Вечером дядя спрашивал: “Сколько сегодня было за столом? Ты всех накормила? Всем хватило?”».

Сам владыка питался и одевался очень просто и зачастую ходил в чиненых рясах. Всякий раз, когда племянница предлагала ему сшить новую одежду, он говорил: «Латай, латай, Вера, бедных много». В епархии по распоряжению владыки велись длинные списки нуждающихся. В конце каждого месяца по этим спискам рассылалось тридцать-сорок почтовых переводов.

В 1951 году архиепископ Лука отправился в Одессу, где Патриарх в то время отдыхал на даче. Воспитательница детей владыки писала его дочери, невольно свидетельствуя, что материальная скудость святителя являлась славою Церкви: «К сожалению, папа опять одет очень плохо: парусиновая старая ряса и очень старый, из дешевой материи подрясник. И то и другое пришлось стирать для поездки к Патриарху. Здесь все высшее духовенство прекрасно одето: дорогие красивые рясы и подрясники прекрасно сшиты, а папа... хуже всех, просто обидно...»

Кроме богослужебной деятельности, владыка принимал у себя дома больных. На двери его кабинета висело объявление, что он ведет бесплатный прием ежедневно, кроме праздничных и предпраздничных дней; к нему стекалось много больных, но он никому не отказывал, и часто в исцелении больных через архиерея-врача действовал Сам Господь.

В 1948 году к нему обратилась женщина, у которой от простуды заболело горло, врачи долго и усердно лечили ее, но болезнь не только не отступала, но еще более усиливалась, так что от боли в горле она уже ничего не могла есть и пила только воду. Собравшиеся на консилиум врачи сообщили ей, что помочь ей они уже ничем не могут. И тогда верующие родители повели ее к архиепископу. Владыка осмотрел больную и сказал, что если бы она не обратилась к нему, исход ее болезни был бы самым плачевным, а затем помолился, перекрестил ее и сказал: «Теперь ты будешь здорова. Сними с горла повязки, понемногу ешь все, больше кислую и соленую пищу. А перед едой и после еды полощи горло

раствором – на стакан воды чайная ложка соли и две-три капли йода». Выйдя от архиепископа, больная почувствовала бодрость и на второй день уже забыла, что у нее болело горло.

У одних родителей случилось несчастье – их четырехлетний сын, играя, сломал руку в запястье. Врачи наложили гипс, но когда сняли, выяснилось, что рука срослась неправильно, и врачи предложили вновь ломать руку, чтобы исправить искривление. Родители обратились к архиепископу. Тот внимательно осмотрел руку мальчика и сказал: «Ломать не надо. Мальчик растёт, и кости его растут, все рассосется, и косточки выровняются, – Господь поможет». Так и произошло. Родители мальчика хотели дать архиепископу-врачу в качестве вознаграждения деньги, но владыка отказался, сказав, чтобы они жертвовали, сколько могут, на Церковь и на бедных и дал им адреса нуждающихся семей.

У одной женщины заболела трехлетняя дочь – у ребенка стал болеть глаз; женщина обратилась к врачу, та лечила девочку около месяца, но улучшения не последовало. После полугодового лечения в больнице выяснилось, что у девочки растёт бельмо. Женщина в отчаянии обратилась к архиепископу Луке. Он внимательно осмотрел больную девочку и написал письмо к главному хирургу в госпиталь инвалидов войны в Симферополе, прося сделать девочке операцию, подробно описал болезнь, сделал рисунок глаза, дал рекомендации по подготовке к операции и указал режим питания, какого следовало держаться после операции, и через своих близких передал в госпиталь все необходимое для питания девочки. Когда мать после операции снова привела девочку к святителю Луке, он сказал: «Слава Богу, все хорошо. Молитесь, и я помолюсь, и Господь поможет нам».

Некий человек, будучи безнадежно больным, обратился к архиепископу, чтобы тот присутствовал, когда ему будут делать операцию.

Святитель спросил его:

– Веришь ли ты в Бога?

– Верю, Владыка, но в церковь не хожу, – ответил тот.

– Молись, благословляю тебя и отстраняю от операции. Пятнадцать лет ты не будешь иметь никакой болезни.

Операцию делать не стали, и все произошло по слову святителя.

Заболела пожилая женщина: после каждого приема пищи у нее начинались настолько сильные боли, что она кричала, и ей приходилось долго лежать, пока они не утихнут. Врачи после тщательного обследования, постановили, что нужна операция. Тогда родственники больной обратились к святителю Луке. Тот осмотрел больную, помолился, дал ей лекарство, и болезнь прошла без следа.

Святитель Лука, щедро оказывая врачебную помощь всем нуждающимся, особенно заботился о клириках своей епархии и их семьях. Собрав однажды священников, он сказал им: «Если вы или члены ваших семей заболеют, в первую очередь обращайтесь ко мне».

У священника Леонида Дунаева заболела супруга, и он обратился к владыке. Тот сказал ему: «Не смейте давать ей лекарство».

На следующий день, справившись о здоровье супруги священника, он снова повторил свой запрет давать лекарство; на третий день после литургии отец Леонид пригласил владыку посетить его больную супругу. Архиепископа провели в комнату больной.

Та лежала прикованная недугом к постели, не принимая никакой пищи.

– Ваш отец Леонид непослушный. Я ему сказал, чтобы он не давал вам лекарства.

– Нет, Владыка, он не давал мне лекарств.

– Тогда вот вам лекарство: во имя Отца и Сына и Святого Духа! – и с этими словами он широким крестом благословил больную.

Владыка уехал, а матушка отца Леонида поднялась с постели, стала принимать пищу, и здоровье ее пошло на поправку.

Однажды заболела супруга секретаря епархии; врачи, приехавшие на скорой помощи, не нашли ничего серьезного. Выслушав секретаря, владыка заволновался, потребовал машину и сразу поехал к больной. Она встретила его в большом смущении:

– Спаси вас Господи, Владыка, но труды ваши напрасны: приступ прошел, и я чувствую себя хорошо.

Внимательно осмотрев больную, святитель позвал ее мужа и сказал, что если в течение двух часов его супруге не будет сделана операция, то она умрет. Больную срочно отвезли в больницу, но врачи, внимательно осмотрев ее, пришли к выводу, что операция не нужна; однако она верила больше слову святителя и стала просить, чтобы ей все же была сделана операция. Врачи стали оперировать, и когда вскрыли брюшную полость, то к величайшему своему удивлению обнаружили огромный гнойник, готовый вот-вот разорваться, – и таким образом жизнь больной была спасена.

У одного из священников случился приступ, и врачи сказали ему, что нужна операция. Помня, что владыка приглашал в случае болезни обращаться к нему, священник посоветовался относительно своей болезни с владыкой, и тот сказал ему: если он согласится на эту операцию, нужно потом сделать еще две и исход этих операций может быть плохой, и добавил, что ему придется перенести еще два приступа. Положившись на волю Божию, священник поступил по слову святителя, перенес эти два приступа и остался жив.

В 1956 году владыка полностью лишился зрения, и уже не мог непосредственно принимать и лечить больных, но, угодив Богу, молился за них, и Господь по его молитвам совершал чудеса.

У отроковицы Галины была саркома головного мозга, и владыка сказал ее матери: «Я буду за нее молиться».

В будний день владыка служил Божественную литургию и, стоя на коленях, усердно молился за отроковицу Галину. Господь услышал его молитвы, и девочка выздоровела.

Раба Божия Анна, по благословению святителя учившаяся на курсах псаломщиков и ставшая потом регентом в кафедральном соборе, попала в автокатастрофу, и врачи, чтобы спасти ее жизнь, ввели повышенную дозу противогангренной и противостолбнячной сыворотки, и у нее начался токсикоз. Во время обхода врач, осмотрев ее, отменил все лекарства, и мало-помалу она стала поправляться. Выписавшись из больницы, она пришла к владыке.

– Ну, расскажи, Аня, как тебя лечили?

– Владыка святой, вашими молитвами я выздоровела, потому что врачи отказались лечить.

– День и ночь молил я Бога о твоём выздоровлении. Но запомни, запомни, в этих случаях выздоровление редчайшее.

С трепетом и благоговением относился владыка к церковным Таинствам. 24 ноября 1954 года он направил всем священнослужителям Крымской епархии слезное увещание.

«Страшную власть над душами человеческими, почти равную власти Божественной, дал нам Христос Бог, – писал он. – Не обязаны ли мы поэтому с трепетным вниманием и страхом относиться к этой данной нам изумительной власти? Не должен ли каждый духовник доподлинно и точно узнать грехи кающегося? Ибо как можно решить или вязать те грехи, которые неизвестны духовнику? Как можно довольствоваться пустым бормотанием исповедующегося: “Грешен, батюшка, грешен, во всем грешен”?

Не подтвердит суд Божий того пустого отпущения грехов, которое даст нерадивый и смертно согрешающий священник.

Убоимся же, братия мои, такого страшного суда Божьего и проклятия, возвещенного пророком Иеремией, над творящими дело Господне с небрежением и не будем жалеть труда и времени на благоговейное исполнение Таинства Покаяния. Будем помнить о том, что среди тех ханжей, которых немало между говеющими, есть немало и таких, которые с трепетом и глубоким волнением идут на исповедь, ожидая от духовника исцеления их душевных ран.

О, как благодарны они священнику, с глубоким вниманием слушающему их, и с какой глубокой обидой уходят от холодного и равнодушного священника-ремесленника, один из которых, как мне известно, сказал плачущей женщине: “Иди, иди! Надоели мне ваши грехи”.

Да помнят нерадивые духовники, что и среди людей сознательно и глубоко верующих есть такие, которые читали страшные слова пророка Иеремии: “Проклят всяк творяй дело Божие с небрежением” (Иер. 48, 10)».

«Да будет тверда ваша ревность о правде Божией, о канонах и постановлениях Церкви.

До сведения моего дошло, что восприемниками при крещении младенцев часто бывают люди, не знающие никаких молитв и даже не умеющие сотворить крестного знамения, женщины, имеющие некрещеных детей, и люди, не знающие даже, были ли они крещены.

Крещение младенцев совершается в Православной Церкви по вере их родителей и восприемников, на обязанности которых лежит обучение детей Закону Божьему, молитвам и благочестию. Этого, конечно, не могут исполнить восприемники, сами не знающие даже простейших молитв, не умеющие креститься и во время Таинства Крещения смеющиеся над произносимыми священниками заклинаниями сатаны.

Таким образом, роль восприемников при крещении становится пустой формальностью.

Крестить младенцев с такими восприемниками я строго запрещаю.

Восприемниками могут быть только подлинны христиане, знающие Закон Божий и молитвы...»

Но особенно святитель ревновал о проповеди слова Божия. «Прежде всего проповедуйте, а потом крестите, – писал он пастырям. – Но не крестите только, не проповедуя. Не ограничивайте задач служения вашего только исполнением треб и богослужениями. Были святые, которые точно исполняли завет Христов и проповедовали Евангелие всей твари.

А вы, сопастыри мои, все ли проповедуете даже людям Божиим, истаивающим от самого страшного голода – не глада хлеба и воды, а глада слышания слова Божия (Ам. 8, 11)?

Народ наш почти тридцать лет не слышал слова Божия и жаждет его – а пастыри, очень многие пастыри и теперь, когда свободна проповедь Евангелия, молчат и считают себя вполне исправными, если удовлетворительно совершают богослужения и требы, не пьянствуют и не курят...

Когда я говорю с вами об этом, то чаще всего слышу ответ: “У нас нет пособий к проповеди”. Не стыдно ли так отвечать? Разве проповедь состоит в повторении чужих проповедей? Разве не слышали вы от святого апостола Павла: “И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы” (1 Кор. 2, 4)?

Так что же? Значит, нет в вас ни духа, ни силы, если не хотите проповедовать, не имея сборников чужих проповедей, не имеете своих мыслей о Боге, а ищете чужих?

...Священное Писание дает неисчерпаемое количество тем для проповедей... Зачем же вам сборники чужих проповедей, если сама Библия есть неисчерпаемое руководство для проповедей?

...Поставим же... задачей жизни своей стяжать дух Христов и силу Его. Для этого нужно следовать всем заповедям Его, усердно и неустанно молиться и поститься и всей душой прилежать чтению Библии.

Тогда отверзнутся уста наши, и спасительная проповедь – вода живая слова Божия, польется неистощимым потоком из уст наших. Благодать Святого Духа да поспешествует вам в святом деле!»

В июле 1954 года, после постановления ЦК КПСС «об улучшении научно-теистической пропаганды», гонения на Русскую Православную Церковь усилились: храмы закрывались один за другим. КГБ стал преследовать тех, кто переписывался с архиепископом Лукой; за самим архиепископом была усилена слежка, все его телефонные разговоры прослушивались. В некоторых храмах уполномоченные через верных им священников и старост устраивали бунты против архиепископа.

Владыка писал по этому поводу сыну: «Церковные дела становятся все тяжелее и тяжелее. Закрываются церкви одна за другой. Священников не хватает, и число их все уменьшается...» «Епархиальные дела становятся все тяжелее, по местам доходит до открытых бунтов против моей архиерейской власти. Трудно мне переносить их в мои восемьдесят два с половиной года. Но уповаю на Божию помощь, продолжаю нести тяжкое бремя...» «Церковные дела мучительны. Наш уполномоченный – злой враг Христовой Церкви – все больше и больше присваивает себе мои архиерейские права и вмешивается во внутрицерковные дела. Он вконец измучил меня». «Более двух месяцев пришлось мне воевать с исключительно дурным священником...»

На праздник Покрова Божией Матери владыка высказал в проповеди все наблевшее, стараясь утешить свою встревоженную гонениями паству. «Знаю я, что большинство из вас очень встревожены внезапным усилением антирелигиозной пропаганды... – сказал владыка. – Скажите, пожалуйста, помните ли вы слова Христовы из Евангелия от Луки: “Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство” (Лк. 12, 32)? О малом стаде Своим Господь наш Иисус Христос не раз говорил. Его малое стадо имело начало в Его апостолах святых. А потом оно все умножалось... Атеизм стал распространяться во

всех странах... Но и везде и повсюду, несмотря на успех пропаганды атеизма, сохранилось малое стадо Христово, – сохраняется оно и донине. Вы, вы, все вы, слушающие меня, – это малое стадо.

Архиепископ Крымский Лука во время проповеди

И знайте и верьте, что малое стадо Христово непобедимо, с ним ничего нельзя поделаться, оно ничего не боится, потому что знает и всегда хранит великие слова Христовы: “Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее” [Мф. 16, 18]. Так что же, если врата адовы не одолеют Церкви Его, малое стадо Его, то чего нам смущаться, чего тревожиться, чего скорбеть?! Незачем, незачем! Малое стадо Христово, подлинное стадо Христово, неуязвимо ни для какой пропаганды».

Совет по делам Русской Православной Церкви стал рассматривать вопрос о замене Крымского уполномоченного Жданова, как не справившегося с работой, но в 1955 году он скончался, и на его место был назначен Яранцев, который Бельшевым был вскоре расценен, как человек недалекий в понимании вопросов взаимоотношения Церкви и советского государства. Яранцев в 1957 году скончался, и на это место был назначен Гуськов.

В начале января 1958 года после рождественских праздников архиепископ Лука пригласил нового уполномоченного в епархию познакомиться. После того как секретарь владыки вышел и он остался с уполномоченным наедине, святитель сразу же определил перед уполномоченным свою позицию, рассказав о своей встрече в тюрьме с высокопоставленным сотрудником ОГПУ, который решил узнать, друг ли святитель советской власти или враг, на что он тогда прямо ответил: «Я не консерватор, я далек от этого, если бы я не был христианином, то был бы коммунистом...», – и, многозначительно помолчав, владыка добавил: «Вам хорошо известно, что советское правительство ведет антирелигиозную пропаганду, следовательно, я не могу быть целиком на вашей стороне, а поскольку вы являетесь гонителем христианства, я, совершенно понятно, никак не могу быть вашим другом, хотя и можем сосуществовать». И затем владыка

внушительно произнес, что на этом разговор с сотрудником ОГПУ был окончен, и больше тот к этому вопросу не возвращался.

Таким образом, позиция с первых же минут была обозначена, он дал уполномоченному вполне отчетливо понять, что не стоит тратить время на то, чтобы склонять архиерея к сотрудничеству с врагами Церкви, и приступил к обсуждению вопроса о возвращении захваченного властями церковного дома.

23 января архиепископ, посетив уполномоченного, поставил перед ним ряд вопросов: о возвращении зданий храмов, о назначении священников, которых он хотел бы определить на то или иное место, и спросил, даст ли уполномоченный им справку о регистрации. Если уполномоченный обещал похлопотать, владыка благодарил его, если тот отвечал, что даст справку, если священника пропишут на новом месте, то владыка говорил, что конечно же не пропишут, так как знал, что пропиской ведаёт КГБ.

– Могу ли я самостоятельно, не согласовывая с вами, ранее зарегистрированных священников Крымской области, перемещать с одного прихода на другой? – спросил архиепископ.

– Назначение священников, их перемещение, лишение священного сана или наложение на них каких-то других взысканий – дело архиепископа... Однако еще раз подтверждаю, что, на мой взгляд, не будет хуже для вас, если епархиальное управление по некоторым приходам и назначениям в них священников будет ставить меня в известность, памятуя о том, что к уполномоченному обращаются верующие со своими жалобами, предложениями, просьбами и заявлениями, которыми, может быть, иногда, в интересах епархиального управления, пренебрегать не следует. Если вы меня не будете ставить в известность о перемещении священников, то я окажусь в весьма затруднительном положении, мне значительно будет труднее следить за прохождением службы священников в приходах и контактировать с ними работу через наши советские органы на местах... Беседовали ли вы со священником Покровской церкви города Симферополя... относительно его проповеди, сказанной им... в праздник Введения во храм Богородицы, о чем я вас ставил в известность во время нашей прошлой встречи? – спросил владыку уполномоченный.

– Я его вызвал к себе. Проповедь им напечатана на машинке, я ее прослушал, и она мной одобрена. Крамольного там нет ничего. Мы всегда в своих проповедях обращаемся к верующим с призывом чаще водить детей в церковь и воспитывать их в религиозном духе. Это наш долг перед Богом и верующими, – ответил святитель и затем, несколько помолчав, прибавил: – Чтобы дать правильную оценку той или иной проповеди, надо иметь богословские знания.

– Это совершенно необязательно, – возразил уполномоченный. – В любой проповеди грамотный и политически подготовленный человек разобраться и определить что к чему сможет, хотя он и не будет иметь богословских знаний.

Владыка на это ничего не ответил, не стал ничего говорить и уполномоченный, сделав из слов архиепископа вывод, «что такого рода проповеди священники читают не от себя, а по заданию Луки...».

Прощаясь с уполномоченным, владыка сказал:

– Со всеми уполномоченными я находил общий язык, надеюсь, и с вами у нас будут самые лучшие отношения и взаимопонимание.

– Все зависящее от меня в смысле взаимоотношений в плодотворной работе епархии я постараюсь сделать, в этом вы можете не сомневаться, – заверил уполномоченный.

13 февраля 1958 года заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Чередняк, сменивший в январе 1958 года Бельшева, рассеивая все сомнения уполномоченного относительно права архиерея на назначение священников в некоторые храмы, отписал ему: «По вопросу подбора священников в ялтинский собор и в другие церкви, которые чаще всего посещаются иностранцами, Вам необходимо связаться с областным управлением КГБ и добиваться через Луку назначения туда тех священников, которые будут рекомендованы органами».

Уполномоченный, в соответствии с рекомендациями своего начальства, попытался войти в более тесные отношения с духовенством епархии – как для получения информации, так и для проведения через священников той или иной интриги, ведущей к разрушению Церкви.

С теми, кто не шел на откровенное сотрудничество, проводились беседы. «Особенно с активными священниками... – писал уполномоченный в отчете, – пришлось побеседовать по вопросу... вовлечения ими школьников в церковь, и особенно иподьяконами... В беседе с этими священниками пришлось затронуть вопрос о лояльном отношении с их стороны к родителям учащихся и школе. Разъяснить им, что школа ведет и обязана вести в соответствии с программой коммунистическое воспитание учащихся, и следует ли им, как священнослужителям, раздваивать душу ребенка или подростка? После окончания школы пусть юноши сами определяют свое отношение к религии».

Уполномоченный прямо писал о необходимом достижении им цели – «закрытия... церквей, добиваясь того, как выражался в свое время А.М. Горький, чтобы они умерли на корню».

Совет по делам Русской Православной Церкви был доволен действиями нового уполномоченного, сделав ему лишь некоторые замечания³.

На заседании Совета по делам Русской Православной Церкви в Москве, обсуждавшего деятельность Крымского уполномоченного, было отмечено, что он «улучшил свою работу по наблюдению за деятельностью религиозных общин и духовенства. Проведены некоторые мероприятия по ограничению деятельности Церкви... Особое внимание со стороны уполномоченного было обращено на изучение приходов, приходящих в упадок. В результате в текущем году было снято с регистрации шесть церквей и молитвенных домов... из состава работающего духовенства выбыло по различным причинам четырнадцать человек. Посвящен за этот период в духовный сан священника всего лишь один диакон. Таким образом, количество... духовенства в церквях Крымской области сокращается...». Совет обязал его «к 1 октября 1959 года разработать конкретные мероприятия по сдерживанию и ограничению активности Церкви... С целью улучшения наблюдения и изучения деятельности религиозных общин чаще выезжать на места, выявлять общины, идущие к упадку, и информировать об этом местные партийные и советские органы для проведения соответствующих мероприятий, способствующих самоликвидации таких общин...».

Начались массовые вызовы членов церковных двадцаток и беседы с ними с угрозами посадить в тюрьму, если не напишут заявлений о своем выходе из двадцатки. Некоторые писали заявления, а когда не писали, то представители советской власти все равно говорили, что такие заявления написаны. Стали вызывать священников, требуя от них снятия сана. Один из священников, настоятель Успенской церкви в селе Чистенькая, направил архиепископу полное трагизма письмо, в котором подробно описал гонения⁴.

В 1958 году крымские безбожники во главе с местным уполномоченным по делам Церкви организовали послушных им людей подать жалобы на архиепископа руководителю государства, первому гонителю Церкви в то время Хрущеву и председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Карпову. В этих жалобах, составленных под диктовку безбожников, было написано: «Мы, прихожане кафедрального собора и члены двадцатки, убедительно просим Советское Правительство, Священный Синод и Патриарха Московского и всея Руси Алексия в конце концов указать архиепископу Луке на его диктаторские незаконные действия и отменить все его незаконные указы и распоряжения, дабы народ успокоился, избавившись от слепого, немощного, беспомощного, тщеславного, властолюбивого и попирающего всех демократических прав народа...»

Эти жалобы вылились в решение Совета по делам Русской Православной Церкви: архиепископа Луку «освободить от управления епархией и уволить за штат».

Время для Русской Православной Церкви становилось все более суровым, действия безбожников все более разнузданными, и в мае 1959 года архиепископ Лука написал Патриарху письмо.

«Не считая себя в праве непосредственно обращаться в Совет по делам Православной Церкви при Совете Министров, – писал он, – я вынужден написать Вашему Святейшеству о имеющихся разногласиях между мной и уполномоченным по Крымской области... по следующим вопросам: <...> закономерно ли со стороны сельсоветов и райсоветов требование представлять им список двадцатки, протоколы собраний двадцатки?..

Имеет ли сельсовет право требовать от священников, чтобы даже на неотложные напутствия и требы они выезжали не иначе, как с предварительного разрешения сельсовета?..

Правильно ли со стороны уполномоченного вызывать не подчинившегося этим требованиям священника и называть его действия “неподчинением советской власти”?..

Законно ли запугивать пенсионеров – членов двадцатки, лишением их пенсий в случае не выхода из двадцатки?..

Удобно ли уполномоченному, приезжая в село, вызывать членов двадцатки группами и предлагать им поскорее выписаться из двадцатки, чтобы не пришлось платить, ибо они отвечают “головой своей” и имуществом своим за неисполнение ремонтов и недостачу имущества в церкви?..

Законно ли ставить вопрос о закрытии молитвенного дома... на обсуждение по бригадам двух совхозов, при котором даже часть молодежи возражала против закрытия церкви “для матерей”?..

Когда после проведения подобных мероприятий несколько членов двадцатки, напуганных перспективой платежа и обеспокоенных самими вызовами в сельсовет, выписались из двадцатки, законно ли было со стороны уполномоченного считать двадцатку уже не существующей, а церковь – подлежащей поэтому закрытию и препятствовать пополнению двадцатки новыми людьми, подавшими письменные заявления о вступлении в двадцатку?..

Имела ли право врач... явившись рано утром в церковь, запретить священнику совершение богослужений, ссылаясь на эпидемию гриппа... где священник... ответил, что подчиняется только приказам архиепископа и уполномоченного, и дал врачу номер моего телефона? Я запросил облздравотдел

и получил ответ, что ни в одной из церквей Крыма богослужение запрещено не было. Когда врач... запрещала священнику богослужение, в селе продолжали функционировать школа, клуб и кино...

Имел ли право уполномоченный, вызвав священника... утверждать, что он обязан был подчиниться требованию врача, ибо "врачу и министры подчиняются"?..

Прав ли уполномоченный, называя неподчинение священника самочинным действиям врача "неподчинением советской власти"?..

Нет ли у уполномоченного... смешения двух различных понятий: неподчинение советской власти и неподчинение требованиям отдельных советских работников?..

Допускается ли положением уполномоченного по делам Православной Церкви в ответ на настойчивое убеждение настоятеля все-таки разрешить увеличение молитвенного дома, угрожать ему тюрьмой и ссылкой, если он не оставит этой мысли?..

Имеет ли право уполномоченный брать на себя функции финансового инспектора, объезжать церкви епархии и требовать от настоятелей представления ему сведений о причтовых и церковных доходах, о числе крещений, браков, молебнов, панихид?..

Имеет ли право уполномоченный настаивать на предварительном согласовании с ним назначений псаломщиков и регентов из других епархий?..

Законно ли требование уполномоченного не проводить собрания двадцатки без извещения его о дне и часе собрания? По опыту нам известно, что это ведет к запрещению собрания, пополняющего состав двадцатки...

Допустимо ли вето уполномоченного на поручение епископа свободному священнику своей епархии на короткое время заместить заболевшего тяжелым гриппом священника?..»

Через три дня архиепископ Лука выслал дополнительное письмо Патриарху, приложив к нему рапорты священников.

«Через моего секретаря... уполномоченный по Крыму... поставил мне требование дать распоряжение по всем церквям епархии о созыве в возможно скором времени собраний двадцаток с тем, чтобы... каждая двадцатка из своей среды избрала бы двадцатку числом не более 22-23 человек, выделила из своей среды церковный совет и ревизионную комиссию...

Протоколы этих собраний со списками должны быть немедленно представлены уполномоченному на утверждение...

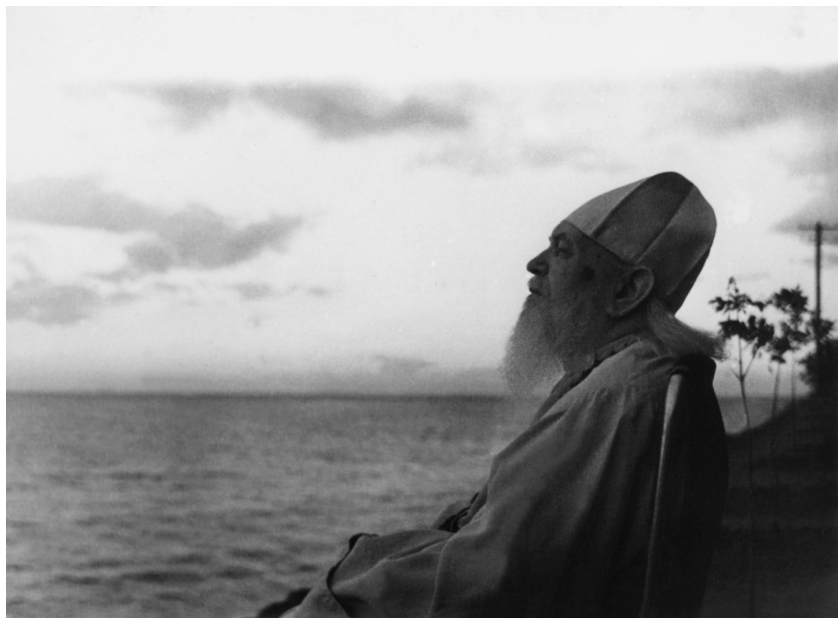
Выбранные в совет и ревизионную комиссию лица должны будут явиться к уполномоченному по его вызову для беседы и получения регистрации.

Считая требование уполномоченного... о проведении такого мероприятия незаконным, я отказался исполнить его.

В некоторых приходах Крыма членов двадцатки посещают на дому члены сельсовета или должностные лица (врач, учительница и т.п.) и требуют от них выхода из двадцатки, пугая пенсионеров отнятием пенсии, других – снятием с работы их самих или их детей и других членов семьи. Малодушные пугаются и уходят, но другие, возмущенные такой "работой" по подготовке церкви к закрытию, подают заявления о вступлении в двадцатку. Такие принимаются после голосования на собраниях двадцаток, которые становятся более многочисленными...

Спрашивается: какое вообще право имеет уполномоченный требовать “перевыборов” всех двадцаток епархии, перевыборов церковного совета и ревкомиссии во всех приходах?..

Кто дал ему право ограничивать число членов двадцатки, если в Положении об управлении Русской Православной Церкви сказано, что группа верующих, берущих в пользование храм, должна быть “не менее двадцати человек”, а максимум не определен...

Архиепископ Крымский Лука

Кто дал уполномоченному право устанавливать регистрацию членов церковного совета и ревкомиссии, когда по Положению об управлении приходами Православной Церкви регистрации подлежат только священник и диакон?..

Не обязанность ли уполномоченного поддержать требование о том, чтобы ключи от храма, переданные сельсовету отрекшимся от веры в Бога священником, были бы возвращены церковной двадцатке?.. После отречения священника... ключи от молитвенного дома находятся в руках сельсовета, а уполномоченный считает это правильным».

Секретарь архиепископа в дополнение к письму владыки писал Патриарху: «Ко мне, как к секретарю, для доклада архиепископу Луке духовенство обращается с жалобами на весьма дерзкое, грубое, с угрозами отношение к ним уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви... который часто не считается ни с возрастом, ни с положением священнослужителей.

Настоятель церкви города Алушты... вынужден был уйти из канцелярии уполномоченного... не выдержав его криков и угроз.

К священнику... бывшему настоятелю поселка Октябрьское, была применена самая тяжелая мера наказания – отнятие регистрации за то, что он отказался исполнить незаконное требование местных властей – заявлять каждый раз о своих выездах в села для исполнений пастырских обязанностей и не представил списка двадцатки и протоколов собраний церковного совета и двадцатки...

Настоятель села Чистенькая... и настоятель молитвенного дома города Алупки... имели большие неприятности с угрозами от уполномоченного... первый – за несогласие исполнить требование его не служить в церкви, предназначенной к закрытию, второй – за заботу о ремонте молитвенного дома...»

В 1959 году уполномоченный писал в своем отчете об антицерковной деятельности, осуществлявшейся им на протяжении 1958 года: «Архиепископ Лука, обеспокоенный снижением посещения церковей верующими и особенно молодежью и детьми школьного возраста, подготовил проповедь “Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы” и разослал ее всем церквям для зачитания. В этой проповеди Лука ропщет на то, что попусшением Божиим много церковей закрыто, особенно в селах, а поэтому он рекомендует организовывать домашние церкви, где и воспитывать детей в христианском духе. Лука сетует и на то, что школа не учит Закону Божьему и заключает: “Так что же, неужели наши дети, христианские дети, обречены стать ничего не ведущими в Законе Божьем? О нет! Нет! – восклицает Лука, – да не будет этого великого горя!.. Так учите, учите детей своих, и тогда ваша семья станет домашней церковью, и свет Христов из этой домашней церкви будет распространяться, невидимо для вас, за пределы вашей семьи”.

Политика Луки совершенно ясна и понятна, в этой проповеди показал он и свое подлинное лицо как правящего архиепископа. По существу этой проповеди я беседовал со многими священниками... Беседовал по этому вопросу я и с Лукой. Он заявил, что ничего в ней крамольного нет... она... бьет прямо в цель без всяких обиняков».

29 ноября 1959 года состоялась в присутствии секретаря епархии очередная встреча архиепископа с уполномоченным.

– Вы, как уполномоченный, не являетесь помощником и защитником Церкви... Вы не только не помогаете храмам, а, наоборот, все делаете для их закрытия, – сказал святитель.

– Где это у нас в Крыму закрыты церкви?

– В Алупке, Найденовке, Грушевке, Партизанском, Садовом, – спокойно перечислил архиепископ.

Уполномоченный притворно возмутился и, пытаясь отвести обвинения, сказал:

– В этих населенных пунктах церкви не закрыты, а в них временно прекращена служба по вине настоятелей храмов, епархиального управления и лично вашей, не производивших ряд лет текущий ремонт, вследствие чего эти церкви находятся в аварийном состоянии. Следовательно, ни о каком закрытии церковей в нашей области и речи не идет. Никто из нас сейчас не может сказать, что у нас нет в Крыму церковей, находящихся в аварийном состоянии, а это не к лицу епархии и вам, как управляющему.

Прощаясь с уполномоченным, владыка сказал:

– Напрасно вы на меня обиделись, что я дал вам такую суровую оценку как уполномоченному. Я сказал это вам потому, что и я лично, и верующие видим в ваших действиях наступление на Русскую Православную Церковь.

Уполномоченный не прекратил своей разрушительной деятельности и в очередной раз потребовал от архиепископа сворачивания «благотворительности со стороны епархии... отдельных церковей... и особенно школьников. “Я рассматривал, и впредь буду рассматривать, – заявил уполномоченный

святителю, – разовую благотворительность и разовую оплату детям за услуги в церкви как подачку, как подкуп...”».

Святитель продолжал помогать бедным приходам епархии, стремясь их оградить от закрытия.

Узнав об этом, уполномоченный «вторично потребовал прекращения Лукой оказания материальной помощи... как грубое нарушение советских законов... Сейчас принимаю все меры, – писал он Карпову, – к выявлению подачек со стороны Луки бедным и школьникам и... еще раз буду ставить вопрос перед Советом о переводе Луки в заштат».

«Немаловажное значение к ухудшению взаимоотношений с Лукой, – писал уполномоченный, – послужило и то, что за пять месяцев 1960 года в Крымской области снято с регистрации три церковных общины, с тремя церковными общинами расторгнуты договоры и предложено им подыскать соответствующие помещения для молитвенных целей. Закрыта, как аварийная, евпаторийская Ильинская церковь...

Все это вместе взятое вызвало бурную реакцию Луки, рассматривающего эти... действия как гонение на религию со стороны уполномоченного и местных органов власти...

Лука... заявил: “Уполномоченный Гуськов – злейший враг и ненавистник Церкви, и с ним решать церковные вопросы невозможно” и пришел к... выводу не только не прислушиваться к... требованию уполномоченного, но и стал поучать священнослужителей решать все вопросы жизни и деятельности церковной общины только с ним и через него... Например, решения облисполкома о закрытии евпаторийской Ильинской церкви, как аварийной, не выполнять, не подчиняться решениям облисполкома о расторжении договора с церковными общинами села Ново-Александровка Симферопольского района, села Пшеничное Первомайского района и поселка Октябрьский Октябрьского района. Не стал последнее время соглашаться ни по одному вопросу, явно игнорируя меня, и потребовал также, чтобы не соглашались с моими рекомендациями и указаниями церковные общины и священнослужители.

Анализируя все это, я, посоветовавшись с работниками обкома и КГБ, 25 мая решил встретиться лично с архиепископом Лукой... вопрос был мной поднят перед Лукой об освобождении, в соответствии с решением облисполкома, от церковного имущества молитвенного дома и подыскании для молитвенных целей соответствующих помещений...»

На этой встрече владыка заявил уполномоченному относительно освобождения одного из молитвенных домов: «Храм Христов не собака, которую можно гонять с места на место! Этот молитвенный дом уже один раз перемещался местными властями из одного помещения в другое!.. Надо понять всем, в том числе и вам, что к храму Божьему надо относиться с величайшим благоговением, а не так, как относятся некоторые люди нашей страны и даже руководители!»

В 1960 году Совет по делам Русской Православной Церкви подготовил реформу приходской жизни, с помощью которой безбожники намеревались окончательно захватить церковное управление на уровне уже не только епархиальных управлений, но и всех приходов страны. Проведение этой политики очень остро ощущалось в Крымской епархии. Теперь это беззаконие должна была узаконить сама Православная Церковь, проведя навязываемую властями реформу через Архиерейский Собор.

Владыка был весьма обеспокоен грядущими событиями; незадолго перед смертью он писал своей духовной дочери: «Я всецело захвачен и угнетен крайне важными событиями в Церкви Русской, отнимающими у всех архиереев значительную часть их прав. Отныне подлинными хозяевами церкви будут только церковные советы и двадчатки, конечно в союзе с уполномоченными. Высшее и среднее духовенство останутся только наемными исполнителями богослужений, лишенными большей части власти в распоряжении церковными зданиями, имуществом и деньгами. Вы понимаете, конечно, что я не могу сейчас думать ни о чем другом...»

Имея приоритетную задачу – уничтожение Церкви, советское правительство 16 марта 1961 года приняло постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Постановление, подписанное Хрущевым, прозвучало сигналом к усилению гонений, план практического проведения которых разъясняясь в неподлежащих публикациям инструкциях. Совету по делам Русской Православной Церкви было поручено произвести учет всех религиозных объединений и составить опись всех верующих групп людей для принятия к ним впоследствии соответствующих мер⁵.

Как всегда в таких случаях решение советского правительства проводилось через Патриарха и Священный Синод. Председатель Совета Куроедов встретился 17 апреля 1961 года с Патриархом Алексием «для обсуждения предложений Патриархии об изменении положения об управлении Русской Православной Церкви в связи с необходимостью восстановления прав исполнительных органов общин в вопросах их финансово-хозяйственной деятельности...». Патриарха сопровождали митрополит Питирим (Свиридов) и архиепископ Пимен (Извеков).

Патриарх изложил проект решения Синода «о восстановлении прав исполнительных органов общин в части финансово-хозяйственной деятельности».

Проект, составленный Патриархом, с точки зрения властей, «был неприемлем, так как в нем не содержалось четкого указания, что настоятели храмов должны полностью передать ведение финансово-хозяйственных дел исполнительным органам общин и что духовенство впредь является наемным персоналом...

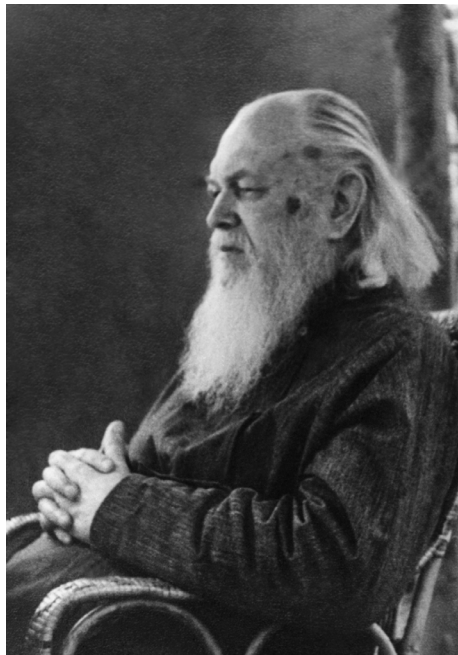
В результате обсуждения указанного проекта Патриарх без возражений принял высказанные замечания и здесь же, во время беседы, внес поправки...».

18 апреля Священный Синод под председательством Патриарха принял соответствующее постановление, в котором самым существенным был пункт седьмой: «Настоятели храмов имеют обязанность духовного руководства приходом и заботу о богослужебной стороне, памятуя слова Апостола: “Мы же в молитве и служении Слова пребудем” (Деян. 6, 2-4) – и, как не входящие в состав исполнительных органов, не должны участвовать в хозяйственно-финансовой деятельности общины».

Некоторые архиереи были весьма обеспокоены разворачивающимися событиями и тем, что Патриарх подписал документ, дававший возможность ссылаться на него гонителям, отстранявший священников от управления приходами, ставивший во главе прихода послушных гонителям мирян.

В мае 1961 года архиепископа Луку посетил секретарь епископа Астраханского Павла (Голышева)⁶. Он сообщил, что послан к святителю епископом Павлом, который не согласен с постановлением Синода от 18 апреля 1961 года, и просит святителя также выступить против этого постановления; есть и

другие епископы, не согласные с постановлением, но хотелось бы, чтобы протест возглавил архиерей, пользующийся большим авторитетом в Церкви.

Архиепископ Крымский Лука

Владыка Лука являлся тогда одним из самых авторитетных святителей Русской Церкви, и он был не согласен с постановлением Синода, узаконивающим беззаконие. Он всю жизнь служил Святой Церкви, противостоял безбожникам, пытающимся ее разрушить, возражал Патриарху, предлагая выходы для решения проблем, какие подсказывали ему голос совести и верующее сердце, его глубоко огорчало все, что происходило перед его глазами, но, взвесив все «за» и «против», он отказался, сказав, что это вызовет раскол среди епископата Русской Церкви. Он понимал, что качественные изменения в управлении Русской Православной Церкви могут произойти в результате решений личностных, а не организационных, ибо и Господь действует через иерархию личностей. Стоя у границы жизни и смерти и глядя через нее уже в жизнь иную, он, чтобы не опечалить владыку Павла, велел передать ему, что он слишком слаб здоровьем, чтобы участвовать в столь серьезных и ответственных мероприятиях.

Приближалась кончина святителя. Он стал отказываться от пищи, тяжелые переживания и раздумья о судьбе Русской Церкви постоянно занимали его.

Последнюю свою литургию он совершил на Рождество Христово, последнюю проповедь произнес в Прощеное воскресенье. Незадолго перед смертью владыка с грустью сказал племяннице: «Дадут ли спеть “Святый Боже...”?»

Архиепископ Лука скончался рано утром в воскресенье, 11 июня 1961 года, в день, когда Русская Православная Церковь праздновала память Всех святых, в земле Российской просиявших.

Почти сразу после кончины святителя в его доме начались служить панихиды, дом и двор заполнился народом, пришедшим проститься со своим архипастырем. Сначала владыка лежал дома, потом в Благовещенской церкви, а затем гроб с телом владыки был перенесен в Свято-Троицкий кафедральный собор. У гроба все время читалось Евангелие, чтение которого прерывалось

панихидами, – их по очереди служили священники. Люди шли и ехали из самых разных мест непрерывной вереницей поклониться владыке, одни сменялись другими, лились слезы, что нет теперь молитвенника, «ушел наш святой». Все, и верующие, и неверующие, понимали, что из жизни ушел великий человек. Понимали это и безбожники. Обком коммунистической партии и областной КГБ по-своему готовились к похоронам святителя. В то время, когда тело святителя было в храме, в областную газету пришло распоряжение напечатать большую антирелигиозную статью. Родственников святителя вызвали в райисполком, где им заявили, что везти гроб с телом архиепископа Луки по центральной улице нельзя, маршрут должен проходить по окраинным улицам города; им отведут сколько потребуется автобусов, чтобы в них разместилось духовенство и все миряне, но только чтобы не было пешей процессии.

По распоряжению Патриархии хоронить владыку прибыл архиепископ Тамбовский и Мичуринский Михаил (Чуб), но власти запретили ему даже служить панихиду, и только после звонка в Москву и переговоров по телефону с руководителями Совета по делам Русской Православной Церкви он был допущен к служению, но при этом ему было заявлено, чтобы после похорон он немедленно выехал к месту службы в Тамбов.

В день похорон алтарь собора наполнился сотрудниками КГБ, которые потребовали от священников, чтобы похороны были проведены по составленному безбожниками плану. В полдень, 13 июня, тело покойного владыки обнесли вокруг собора, у входа в который уже стояли машина с венками, машина для архиепископа Михаила, автобусы для духовенства, родственников архиепископа, певчих и еще несколько автобусов для мирян, которые бы пожелали участвовать в проводах, – но в эти автобусы никто не хотел садиться. Дышащий злобой и яростью уполномоченный бегал от машины к машине, уговаривая лишних и посторонних отойти и не мешать. Но тут лишними были сами безбожники, и его никто не хотел слушать.

Регент Свято-Троицкого собора Анна, которая когда-то была исцелена по молитвам владыки от токсикоза, когда катафалк двинулся прямо на верующих, крикнула: «Люди, не бойтесь! Он нас не задавит, они не пойдут на это – хватайтесь за борт!» И люди, тесным кольцом окружив катафалк, уцепились за борт машины, и машина долго не могла сдвинуться с места, а затем поехала с той скоростью, с какой могли идти пешком лишь пожилые люди. Когда прошли метров сто и надо было сворачивать на центральную улицу, власти стали требовать повернуть на окраину города. Но тут женщины легли впереди машины, сказав: «Только по нашим головам проедете туда, куда вы хотите». И безбожники вынуждены были отступить и дать распоряжение ехать по центральной улице города.

Вся улица заполнилась народом, движение прекратилось, и по улице, по которой можно было пройти за двадцать минут, верующие шли три часа. Люди стояли на улицах, на балконах и в окнах. Впереди машины с телом святителя шли женщины в белых платочках, которых и Христос, и святитель называли «малым стадом», которому Отец Небесный «благоволил дать... Царство (Лк. 12, 32)», – они, ничего не боясь, шли впереди и до самого кладбища пели: «Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Бессмертный, помилуй нас». Уполномоченный и сотрудники КГБ уговаривали их замолчать, угрожали им и всячески пытались прекратить пение, но на все слышали один и тот же ответ: «Мы хороним нашего архиепископа».

Мужественному святителю-исповеднику были устроены достойные его мужества и исповеднического подвига похороны, и он вместе с апостолом Павлом, в завещание всем проходящим земное служение святителям, мог бы сказать: «Будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника... Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия...» (2 Тим. 4, 5, 7-8).

22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен к лику местночтимых святых Крымской епархии. 18 марта 1996 года были обретены его святые мощи и 20 марта перенесены в кафедральный Свято-Троицкий собор города Симферополя. В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви внес имя святителя Луки, прославившего нашу Церковь исповедническим подвигом, в список святых новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви для общецерковного почитания.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Май». Тверь. 2007. С. 272-386

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996.

Протоиерей Василий Марущак. Святитель-хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 1997.

«Секретно»: архиепископ Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) под надзором партийно-советских органов. / Составители протоиерей Николай Доненко, Филимонов С.Б. Симферополь, 2004.

Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб, 2005.

Шевченко Ю.Л. Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный. СПб, 2007.

Примечания

¹ 25 августа 1948 года Патриарх и Священный Синод обсуждали вопросы епархиальной жизни, которые вызвали «необходимость в преподании указаний Епархиальным Преосвященным.

Так, а) в одной из южных Епархий совершаются местным епископом разъезды по районам и селам в рабочее время, притом с большой свитой;

б) во многих местах производятся общественные молебствия на полях и площадях, например о ниспослании дождя или о ведре;

в) совершаются по благословению Архиерея крестные ходы из села в село;

г) в некоторых Епархиях проводятся в церквях духовные концерты вне богослужений;

д) печатаются в местных типографиях воззвания, церковные чиноположения, акафисты и проч.;

е) проводятся некоторыми священниками в храме внебогослужебные уроки с детьми.

ПОСТАНОВИЛИ: Разъяснить Преосвященным:

1. Что при посещении тех или иных приходов своей Епархии они должны руководствоваться указаниями § 36 Положения об Управлении Русской Православной Церкви, где говорится, что «уклад и распорядок церковной жизни не должен препятствовать выполнению прихожанами гражданских обязанностей, например, в сельских местностях в период полевых работ и т. д.». Разъезды архиереев в это время, конечно, отвлекают прихожан от их обязанностей по полевому хозяйству, и потому они совершенно недопустимы в периоды сельских работ. Кроме того, путешествия архиереев с большой свитой, к тому же часто весьма недисциплинированной,

ложатся тяжелым бременем на посещаемые приходы и вызывают нежелательные толки среди духовенства и прихожан.

Священный Синод предлагает Преосвященным принять во внимание настоящие указания и не ставить своими поездками по Епархии в затруднительное положение как подведомое духовенство, так и прихожан, смущая их, кроме того, нарушением утвержденных Собором правил.

2. В храме, согласно уставу церковному, должны совершаться моления и молебные пения “на всяку потребу”; что касается отправления этих богослужебных чинопоследований в публичных местах, а также и совершения крестных ходов из одной местности в другую, то это не может быть разрешаемо Епархиальной властью, как явное нарушение принципа отделения Церкви от Государства.

Епархиальные Преосвященные обязуются поставить об этом в известность подведомое духовенство.

3. Духовные концерты вообще – дело не строго церковное и могут быть допускаемы лишь в особых, исключительных случаях. Что касается обычного порядка – их не следует допускать и поощрять. Расклеивание же объявлений об этих концертах, как это имело место в одном Епархиальном городе, – совершенно недопустимо. Преосвященным Епархиальным надлежит усилить свое внимание по отношению к истовому и благоговейному совершению духовенством богослужений и строго церковному пению и всеми мерами бороться против введения в церковный обиход мирского духа, чему способствуют и эти так называемые духовные концерты.

4. Уже было постановлено Священным Синодом к выполнению Епархиальными Преосвященными, чтобы не печатать на местах воззваний, акафистов и других изданий без предварительного представления Священному Синоду. Настоящим напоминается об этом требовании Церковной Власти к точному исполнению.

Епархиальному Архиерею, согласно Положению об Управлении Русской Православной Церкви, предоставлено право обращаться с архипастырскими посланиями в пределах своей Епархии (28 § Положения), но печатание этих посланий в местных типографиях не должно быть допускаемо без особого на то всякий раз разрешения Свящ. Синода.

5. Проповеди и беседы в храме – законное дело, согласно принятому в Церкви обычаю и по долгу Пастыря назидать своих пасомых церковным словом. Но придавать этим поучениям характер систематических уроков специально для детей недопустимо потому, что это является прикровенным нарушением действующего у нас государственного принципа отделения школы от Церкви.

6. Наблюдающееся во многих Епархиях стремление некоторых Архиереев предоставленную Государством Церкви свободу всяких церковных отправлений и действий использовать в смысле расширения своих прав и полномочий и в сторону устройства главным образом своего личного благополучия и представительства, вызывает со стороны Свящ. Синода необходимость отечески предупредить, что подобные стремления рассматриваются Церковной Властью как весьма нежелательные и что духовенству, и прежде всего епископам, необходимо строго соблюдать как правила церковные, так и законы гражданские и своими действиями и примером своей личной жизни являть образ истинного Пастыря, не “своих си” ищущего, но, по выражению св. Ап. Павла, “смирненными ведущегося и взыскующего горного, небесного”.

Все настоящие указания высшей церковной Власти клонятся к тому, чтобы направить деятельность архипастырей, а за ними и пастырей, в строго церковное русло и парализовать стремление некоторых епископов и подведомых им священников выходить, так сказать, за ограду церковную и простираť свое влияние вне своих непосредственных паств.

Дорожа свободой исповедания веры и широкой возможностью совершать во все умножающихся, благодарение Богу, храмах церковные богослужения и молитвы, – архипастыри и пастыри и верующие миряне не должны подавать повод к возможному осуждению их в том, что они злоупотребляют дарованной им свободой, что духовенство (а в особенности Епископы) – склонно “расширять воскрилия риз своих” и, забывая о том, что наше служение есть следование по пути “смирненного сердцем Иисуса”, нашего Пастыреначальника и Господа, идти по несвойственному духу православного Пастырства пути мирскому с его тяготением к внешним земным правам и благам».

² На заседании Священного Синода 16 ноября 1948 года Патриарх и члены Синода заслушали рапорт епископа Ульяновского Серафима (Шарапова) «о желательности усиленного

проповедования во всех церквях по определенной программе, утвержденной епископом, в определенное время и по определенной системе, нечто вроде уроков Закона Божия. Уполномоченный по делам РПЦ запротестовал против такого распоряжения епископа и просил его отменить.

ПОСТАНОВИЛИ: Разъяснить Преосвященному Ульяновскому, что каждый священник по воскресным и праздничным дням может говорить поучения на Евангельские темы и разъяснять истины веры Христовой, но преподавать Закон Божий по определенной программе в определенной системе – это будет противоречить Декрету отделения Церкви от Государства и школы от Церкви и потому допущено быть не может. Необходимо разъяснять духовенству, что их проповеди по объяснению Евангелия должны быть чужды всякого вмешательства в политику и носить чисто церковный характер».

В отчете Сталину за 1950 год Карпов по этому поводу писал: «Начиная со второй половины 1948 года, Совет провел ряд мероприятий по ограничению деятельности церкви и духовенства. Через церковный центр по рекомендации Совета прекращены службы вне церковных зданий; отменены крестные ходы (кроме пасхального), в том числе и в праздник “крещения”; ограничены разъезды служителей культа по населенным пунктам для отправления религиозных треб на дому верующих. По указаниям Совета не допускается обслуживание одним священником нескольких приходов; снимаются с регистрации церкви, в которых из-за отсутствия священников не производятся службы в течение 6-12 месяцев; более интенсивно проводится изъятие у религиозных общин бывших общественных зданий и т.д.».

Как пример успешной антицерковной деятельности им приводилась Крымская епархия, в которой «посещаемость церквей в дни “пасхи” в 1950 году по отношению к 1949 году в среднем по церквям области имела уменьшение до 30,0 %».

³ «В беседах с архиепископом Лукой Вы допускаете ошибки, говорите то, что не нужно ему знать. Например, по вопросу перемещения священников Вами было сказано: “...Если Вы не будете ставить меня в известность о перемещении, то я окажусь в весьма затруднительном положении. Мне значительно будет труднее следить за прохождением службы священников в приходах и контактировать с ними работу через наши советские органы на местах”...

Так же излишне было заверять Луку в том, что Вы сказали: “Все зависящее от меня в смысле взаимоотношений в плодотворной работе епархии я постараюсь сделать, и просил Луку в этом не сомневаться”, зная о том, что его законные просьбы не всегда могут удовлетворяться».

Отчитываясь перед Советом по делам Русской Православной Церкви за 1958 год, уполномоченный писал о святителе: «Считаю своим долгом еще раз заявить, что с архиепископом Лукой работать исключительно тяжело и необходимо более настойчиво ставить вопрос о его замене...

Архиепископ Лука, под влиянием окружающих его священников... отдал в последнее время указание по епархии производить крещение взрослых, что раньше делалось только в кладбищенской церкви города Симферополя...

В 1959 году необходимо больше поработать со священниками, архиепископом Лукой и его окружением по вопросам прекращения крещения взрослых, добиваясь через беседы, доклады, лекции, печать, радио, индивидуальную работу того, чтобы вообще свести крещение взрослых до минимума или совсем на нет...

Необходимо сказать, что у меня сейчас установился более тесный, деловой контакт с райгорисполкомами, горкомами и райкомами партии, а все это дало положительные результаты... Со второй половины этого года антирелигиозная пропаганда стала носить более действенный наступательный характер, сейчас больше стало проводиться бесед, и особенно индивидуальных... с церковным активом, и это дало результаты... верующие стали решительно отходить от церкви и выходить из состава двадцатки...

Изучив по имеющимся у меня карточкам учета и биографиям, я определил постоянно вести работу с настоятелем севастопольского Покровского собора, он же и благочинный... как благочинный всегда держит меня в курсе событий как своего благочиния, так и епархиального управления. Он по специальности юрист и является консультантом Луки по всем вопросам.

Например, Лука посоветовался с ним, как можно по существующим положениям возратить общине церковь в Алушке, а вместо нее передать горсовету имеющийся молитвенный дом... Я посоветовал... чтобы он рекомендовал Луке... выехать на место и дать свое заключение, что...

умело и сделал. Лука не только не получил церковь, а, наоборот, вынужден был дать указание временно прекратить богослужение из-за аварийности помещения и в имеющемся молитвенном доме в городе Алупке...

Священник поселка Октябрьское... на неоднократные вызовы райисполкома и поселкового совета не являлся, заявляя, что ему там делать нечего, одновременно среди верующих распространял ложные слухи, что райисполком ему не разрешает выезжать в район с требами. Написал он об этом же письмо архиепископу Луке. Я выехал в поселок Октябрьское проверить заявление... однако он и на мой вызов в райисполком также не явился. Тогда я его вызвал в Симферополь через епархиальное управление. Он явился ко мне на прием и заявил в присутствии секретаря епархии, что его... не следовало вызывать в райисполком, а тем более в Симферополь... в беседе со мной заявил: "Не читайте мне часовых лекций, я их раньше Вас знаю. Не декламируйте – это все излишне". После такого заявления... я предложил секретарю епархии, чтобы епархия возвратила мне справку о регистрации...

Как райисполком, так и я, предъявили обвинение... что он выезжает с требами за пределы своего микрорайона и утвержденного за ним прихода...

Смиренный святитель, защищая своего пастыря от нападок злобных безбожников, 15 ноября 1958 года направил уполномоченному письмо: «Ваше непреклонное решение о лишении священника... регистрации очень глубоко огорчает меня. Никаких служебных провинностей за ним нет, и Вы тяжко наказываете его отобранием регистрации за неуважительные слова и поведение в разговоре с Вами, за которые он принес Вам глубокое извинение.

Усердно прошу Вас смягчиться и удовольствоваться тем, что я переведу... из поселка Октябрьского в худший приход и объявлю ему строгий выговор».

На этот раз уполномоченный уступил и, возвратив справку о регистрации, разрешил архиепископу определить священника на другой приход.

⁴ «В силу... создаваемого террора надо мной со стороны уполномоченного Гуськова... вынужден обратиться к Вам. 4 февраля я явился к Гуськову в 9.30 утра, но там у него был какой-то молодой человек, и он мне сказал, что он сейчас занят, и сказал, чтобы я зашел через полчаса. Захожу к нему в 10 часов – оказывается тот же молодой человек также там, которого он представил мне, что это представитель из райисполкома. [Обычный тогда способ представлять сотрудников КГБ.] Они начали говорить, что у вас двадцатки нет, т. к. все подали свои заявления о выходе из состава двадцатки. Представитель райисполкома говорит, что меня каждый беспокоит по телефону о своем выходе из состава двадцатки.

Когда я стал возражать... о том, что это неправильно, тогда Гуськов на меня начал кричать, что я как будто самовольно, без ведома людей, записываю их в двадцатку. Я говорю, что такого случая нет. А Гуськов: "а вот есть такое заявление", – и начал мне его читать, – пишет некто... что "никогда не был в церкви, и меня записали в двадцатку". Я говорю, что правильно он пишет, что никогда в двадцатке не был и не будет. "А в списке зачем его поместил?" А я говорю, что в списке такого нет. Тогда он говорит: "Что говорите ерунду!" – и потребовал у своего секретаря дать список, который он просмотрел и бросил. Тогда я спросил: "Ну что, таковой есть?" Тогда он указывает, что у него на столе лежат... четырнадцать заявлений, которые написали о выходе из состава двадцатки. Я попросил показать... он не показал.

Затронул я вопрос о незаконном снятии псаломщика... он тут же сразу вспылал: "Как незаконно? Он сам подал заявление, и вообще давно ему это нужно было бы сделать. И он сделал хорошо!" Тогда я понял его вполне – откуда и от кого все это происходит.

Тогда мне оба предложили такой вопрос: "Вы читали относительно священника... [снявшего сан] который поступил очень честно?" Я говорю, что не читал, т. к. газеты не получал, но слышал. Тогда он говорит: и Вы бывший хороший специалист; напишите – и тем очистите свою совесть. А я сказал, что моя совесть и так чиста перед советской властью тем, что я не пошел работать на оккупантов по своей специальности и пристроился к церкви в должности псаломщика и регента хора, а поэтому от церкви я не откажусь, т. к. церковь спасла мою жизнь в том, что я ни одного дня не работал на оккупантов по своей специальности.

Тогда на 5 февраля назначает мне явиться в райисполком к 9 часам утра к этому же представителю, фамилия которого Богданов. Я явился туда; там была бумага заполнена, содержание которой мне подготовили для подписи (содержание, написанное в ней, я не пожелал и читать). Тогда т. Богданов говорит мне, что вы можете подписать с оговоркой... с тем, чтобы не оглашать в печати. Я сказал, что и в печать и без печати никаких бумаг подписывать не буду. Тогда

он взял лист бумаги и порвал на мелкие куски и предложил поехать с ним в облисполком к Гуськову.

Приехав туда, первым долгом был его вопрос: “Ну как, подписал?” Богданов ответил, что ничего не хочет.

Тогда Гуськов говорит мне: “Иди, целуй руку своему Луке”. А я говорю: “Он достоин этого”. Тогда посыпался град угроз со стороны Гуськова, что, мол, будешь в НКВД – пенсии лишу, из квартиры тоже будешь выдворен и в церкви служения лишу...

16 марта 1959 года председатель райисполкома... вызвал меня на беседу, где мне сообщил, что с вами я расторгаю договор типовой на том основании, что в селе Чистенькая неполный состав двадцатки, а на самом деле в селе Чистенькая состав двадцатки имеется полностью».

Описывая результаты своей деятельности по уничтожению Церкви, уполномоченный писал: «Перестало функционировать в текущем году 13 церквей и 7 церквей доведены... до самоликвидации. Если не будут и в дальнейшем снижены темпы по распропагандированию верующих, то нет сомнения, что эти церкви в ближайшее время прекратят свою деятельность...

Архиепископ Лука, обеспокоенный снижением посещения церквей верующими... а также и снятием церквей с регистрации, дал указание всем священнослужителям и исполнительным органам церкви усилить проповедническую деятельность в церкви и индивидуальную работу с верующими, особенно накануне больших религиозных праздников и в дни праздников.

Священнослужители, члены церковного совета, члены ревизионной комиссии таких церквей, как в поселках Октябрьском, Советском, Айвазовском, Белогорске, Джанкое, Бахчисарае, развернули активную деятельность, о чем своевременно были поставлены партийные и советские органы в известность... Воспользовавшись перерегистрацией церковных исполнительных органов, с моей стороны также были приняты меры к сдерживанию активности церковников, и в этих шести, как указано выше, церковных общинах церковные советы и ревкомиссии по моему требованию были переизбраны, а в поселке Октябрьском священник... снят с регистрации, а исполнительный орган не зарегистрирован... Не зарегистрирован мной исполнительный орган церкви поселка Айвазовского, а священник Дунаев за организацию в церкви сестричества и братства предупрежден...

Проводилась работа со священником... из села Мускатное Красногвардейского района и молодым диаконом евпаторийской церкви... Священник... помог своим невмешательством разложить церковную двадчатку и довести приход до закрытия, что и было сделано, а он... выступил в газете “Крымская правда” со статьей “Почему я порвал с религией”.

Тоже сделал и диакон... – снял с себя сан священнослужителя и разоблачил в газете “Крымская правда” настоятеля евпаторийской церкви... как обманщика и лицемера...

Благодаря проведенной работе со священниками церквей в селе Пионерское... в селе Соленое Озеро... селе Магазинка... в Ялте... они ушли в заштат, а это привело к тому, что в 1959 году из-за отсутствия священнослужителей, начиная от двух до шести месяцев, в трех церквях... не было и по настоящий день нет службы, в четырех церквях города нет вторых священников и нет трех диаконов.

Хорошая связь у меня сейчас установлена с настоятелем кафедрального собора... который близко общается с епархией и своевременно сообщает мне все данные, интересующие меня. Я в курсе дела, что делается в епархии, знаком с их предположениями и планами на будущее – это значительно облегчает работу и способствует мне вовремя, при решении того или иного вопроса с Лукой, согласовывать с руководящими органами и решать его так, как подсказывают интересы дела...

Снят мной с регистрации священник церкви из поселка Октябрьское... за отказ переизбрать церковного старосту, который не был мной утвержден при регистрации, и отказ выслать мне протоколы заседаний двадцатки, мотивируя тем, что он их высылает архиепископу Луке и мне они не нужны, т. к. это их внутрицерковные дела.

Предупрежден мной священник Белогорской церкви... который без разрешения Васильевского сельсовета организовал похороны с песнопением и шествием по всему селу...»

«Священник... из церкви поселка Черноморский пытался организовать, в нарушение советского законодательства, обучение молитвам детей дошкольного и школьного возраста в стенах церкви. Священник... снят с регистрации...

Священник церкви поселка Октябрьское... пытался читать, помимо церковных проповедей, проповеди на светские темы, хотел использовать церковь в интересах и целях, враждебных советскому народу... с регистрации снят в конце 1959 года. Партийные, советские и комсомольские организации усилили в этом поселке... работу, разложили двадцатку, и в настоящее время церковная община снята с регистрации.

Священник сакской церкви... в своих проповедях распространял всякие вымыслы о жизни советских людей, об отношении коммунистической партии и советского правительства к религии и Церкви, распускал провокационные слухи, что местные органы советской власти и уполномоченный принимают меры к тому, чтобы закрыть церковь. Священник... как провокатор, снят с регистрации...

За организацию ночлежек в крестилках для приезжих... были наказаны... священник алуштинской церкви... евпаторийской... кладбищенской г. Симферополя...

Всего за 1960 год за нарушение советского законодательства снято с регистрации 10 священников, предупреждено 7 человек, перемещено 7 и наказаны архиепископом Лукой за разные проступки 8 человек... Таким образом, из 48 священнослужителей... наказано 32 священнослужителя...

В последнее время нам стало известно, что священник симферопольского кафедрального собора... выступил с такой проповедью: "Детей нужно воспитывать в страхе Божьем, учить их молитвам и как можно чаще водить в церковь, где только они и могут постигнуть настоящую правду"...

Священник кладбищенской церкви г. Симферополя... в неделю 14-ю по Пятидесятнице прочитал проповедь, в которой призывал, по существу дела, верующих отказываться от житейских, греховных дел.

Вот выдержки из этой проповеди: "...но, дорогие, кто из нас может сказать, что он сохранил в чистоте и непорочности одежду крещения, что ничем не запятнал эту одежду?! К великому нашему несчастью, вместо служения Христу, Которому сочетались при крещении, мы служим нередко сатане, которого при крещении отрицались.

Так например, в воскресенье и праздничные дни, вместо того чтобы идти в храм Божий на молитву и служить Господу, мы часто проводим время в делах житейских, суетных, греховных, угодных и любезных лишь врагу нашему – диаволу; вместо того, чтобы и дома молиться чаще и больше, мы предпочитаем много и часто лишь праздновать, пустословить и т. п. Таким образом, вместо любви ко Христу, мы оказываем Ему пренебрежение. Вместо любви к ближним, мы проявляем ненависть, злобу, мстительность, вместо смирения и кротости – гордыню, вместо благожелательства – зависть и недоброжелательность. Мы предаемся и многим другим грехам и преступлениям...

Что же остается делать нам, лишившимся светлого брачного одеяния, необходимого нам для получения Царства Небесного? Милосердый Господь, зная немощь и нужды естества человеческого, указал нам еще средство возратить эту одежду, утраченную грехами нашими. Средство это – покаяние с причащением Святых Таин. Итак, согрешили мы и через грехи потеряли одежду чистоты и непорочности, будем прибегать к таинству покаяния и причащения Тела и Крови Христовых. Слезами покаяния, как вторым крещением, мы смоём скверну с души своей и через причащение Святых Таин вступим снова в теснейший и ближайший союз с Господом. Прибегайте, повторяю, к сим таинствам – усиленно будем стараться исправить свою грешную жизнь и творить дела, угодные Христу, а не диаволу..."

Деятельность и поведение... нами изучается и... также... подготавливаются к снятию с регистрации...»

В целях закрытия храмов, уполномоченный попытался воздействовать и на ближайших помощников архиепископа. «Подбадривая и подхваливая их, – писал он, – как авторитетнейших людей – помощников Луки, в беседе с ними я им говорю, что они, и только они могут воздействовать и уговорить Луку по тому или иному вопросу, который необходимо решать в интересах епархии. Это им льстит, и они... соревнуются между собой, кто быстрее и лучше решит задачу, поставленную перед ними, чтобы в лице уполномоченного тоже быть хорошими...»

Положение Русской Православной Церкви казалось в то время безнадежным и мало кому верилось, что это время можно изжить. Обсуждая за несколько лет до смерти Сталина судьбы Русской Церкви с митрополитом Николаем (Ярушевичем), Патриарх Алексий как-то спросил его: «Вы не сможете сказать: сколько лет исчисляют до наступления коммунистической жизни у нас?

Говорят, что три-пять лет. Если мы с вами доживем до этого, разрешат ли нам жить на пенсию в Москве? Пожалуй, нет, так как мы своим пребыванием здесь будем напоминать о бывшей Церкви».

⁵ Один из пунктов этой инструкции гласил: «Учету подлежат все фактически действующие религиозные объединения (общества и группы), независимо от того, зарегистрированы они в органах власти или не зарегистрированы...

На каждое религиозное общество и группу верующих заполняется отдельная учетная карточка (3-4 экземпляра).

Религиозное общество есть объединение верующих граждан, достигших 18-летнего возраста... в количестве не менее 20 человек.

Группа верующих – религиозное объединение, с количеством верующих менее 20 человек...

В некоторых районах и городах нет постоянно действующих молитвенных зданий и религиозных объединений. Однако верующие время от времени всё же собираются на молитвенные собрания в домах и квартирах верующих, исполняют религиозные обряды. Нередко молитвенные собрания происходят под открытым небом (на кладбищах и т. п.). Подобного рода молитвенные собрания необходимо учитывать наряду с постоянно действующими религиозными объединениями... При этом нужно указывать, участвуют ли в этих богослужениях и отправлении религиозных обрядов служители культов... количество их...».

⁶ Епископ Павел, впоследствии архиепископ Новосибирский и Барнаульский, был принципиальным противником реформ, внедряемых через епископат безбожниками. В 1971 году архиепископ Павел был приглашен на Архиерейский Собор, который должен был окончательно узаконить эти реформы, и собирався выразить свое несогласие с ними. Незадолго перед отъездом он был вызван к представителям местных властей будто бы по важному поводу, касающемуся Собора, и усажен на кресло, пропитанное ядовитым химическим веществом. После того как он вернулся домой, обнаружились серьезные ожоги во всех местах, где тело соприкасалось с поверхностью кресла. Таким образом, его поездка не состоялась. Власти рассчитывали на смертельный исход; уполномоченный Совета по делам религий по Новосибирской области ежедневно звонил в епархию спрашивая о его здоровье: «Не умер еще архиепископ Павел?»